

Эдуард & Эмилия
ТОПОЛЬ

Русская семерка

Эдуард Тополь
Русская семерка

«Эдуард Тополь»

1986

Тополь Э. В.

Русская семерка / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь», 1986

ISBN 978-5-17-024596-3

Это – книга, что называется, «хорошая и разная». Хорошая – потому что оторваться от нее невозможно с первой и до последней страницы. Разная – в смысле разнообразная, – потому что в ней с непередаваемой, легкой оригинальностью соединилось не соединимое: юмор, ирония – и напряженный политический детектив, любовь – и приключенческая основа классического авантюрного романа.

ISBN 978-5-17-024596-3

© Тополь Э. В., 1986
© Эдуард Тополь, 1986

Содержание

Часть первая	10
1	10
2	17
3	28
4	37
5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эмилия Тополь, Эдуард Тополь

Русская семерка

Посвящается Ольге и Сергею Народецким

ИСЛАМАБАД (агентство Рейтер). По сообщениям западных дипломатов в Пакистане, вчера в Северном Афганистане в одном из самых кровопролитных за восемь лет войны боев с партизанами убито восемьдесят советских солдат.

По сообщениям, полученным из Афганистана, в бою на Саланганском шоссе, главном сухопутном пути сообщения между Кабулом и советской границей, захвачены в плен два советских солдата.

Улима ее звали, У-ли-ма.

Алексей поначалу даже не разглядел ее как следует. Смуглая рука высунулась из темного провала-входа в саманную лачугу, коротко и быстро махнула внутрь узкой ладошкой, и Алексей, воровски оглянувшись и пригнув голову, тут же нырнул в эту не то конуру, не то саклю. Еще два месяца назад он не мог бы себе и представить, что вот так, одним жестом, его можно заманить в афганское жилище, где получить кинжал меж лопаток так же просто, как матюгальник от командира роты. Но тогда, зимой, их держали под Нанганхаром, на заставах и выносных постах в горах, где они, подыхая от голода, сидели «на блоках» – блокировали проходы мелких и крупных отрядов духов-моджахедов, их разведчиков, их караванов с оружием, и в любой момент этот дух мог прыгнуть тебе на спину и полоснуть ножом по горлу. Здесь, в Логарской долине, все иначе. По сравнению с Нанганхаром здесь курорт. Из восьмидесяти афганских кишлаков больше половины разрушены и брошены афганцами, которые сбежали в Пакистан, а еще шесть «на договоре». Это значит, начальство договорилось со старейшиной и муллой кишлака: мы вас не бомбим, не обстреливаем, мы даже даем вам керосин, а вы не разрешаете духам воевать против нас в вашей «зоне ответственности». Конечно, и здесь была вокруг «зеленка» – километры разрушенных виноградников и древних подземных ирригационных каналов-«киризов», откуда постоянно выходят на землю мелкие отряды духов, минируют дороги и исчезают, нападают на наши колонны, обстреливают посты... И все-таки шесть «договорных» кишлаков – это рай, это оазис...

Большие, черные, чуть навывкате глаза, темные ресницы, широкий рот, прямые черные волосы, длинный нос – вот и все, что он разглядел вначале, когда с яркого солнца вошел в темень этой безоконной хибары. Худая маленькая пятнадцатилетняя девчонка в темной лачуге, где из глубокой тени от стены в любой момент может отделиться незримое тело с кинжалом или АКМ¹ в руках.

Даже если этот кишлак – «на договоре». Сколько раз эти «договорные» кишлаки нас обманывали! Неделю назад в соседний, тоже «договорный», кишлак наша агитбригада привезла цистерну керосина и – попала под обстрел духов. Но в Тапбиле пока тихо. Это большое торговое поселение – Тапбил по-афгански «обмен» – за зиму не раз переходило из рук в руки – то к душманам, то к правительственным афганским войскам, то к советским частям... Мечеть разбита в куски, террасы глинобитных и саманных домов перепаханы снарядами и танковыми гусеницами. Как тут вообще выжили несколько десятков старух, женщин и детей – и понять трудно, прятались, вероятно, в киризах. Теперь воронки от тяжелых гаубичных снарядов, накрытые соломой или ветками, норы, вырытые в горном склоне, и несколько саман-

¹ Автомат Калашникова модернизированный.

ных сакль, чудом уцелевших при артобстрелах, были их жильем. Чем они жили? Что ели? Где пасли своих тощих коз?

Алексей поспешно сунул руки в оттопыренные карманы брюк галифе, вытащил-выдрал из них две банки сгущенки и полкуска черного хозяйственного мыла. Но, не отрывая взгляда от сгущенки, девчонка отрицательно повела своим длинным носом из стороны в сторону и длинным узким пальцем с грязным ногтем показала на край майки-безрукавки, торчавший в открытом воротах Алексеевой гимнастерки. Палец согнулся несколько раз, однозначно определив, что именно будет предметом «тапбила».

Алексей заколебался – не потому, что ему жаль было свою майку, а потому, что ему вдруг стало неловко снимать с себя гимнастерку под пристальным взглядом этой юной афганки. Он повел взглядом по сторонам – глаза уже стали привыкать к темноте. Нищета и пустота – ни стола, ни стульев. В глубине лачуги – очаг, а в углу – набитый соломой матрац.

– А где трава? Анаша? – спросил он и, думая, что она все равно не поймет по-русски, показал рукой и губами глубокую затяжку сигаретой.

Девчонка быстрым движением вынула из выреза кофточкой небольшой, завернутый в грязную тряпку сверток, откинула край тряпки, и в воздухе тут же поплыл легкий и сладковатый запах свежей конопляной «дури». Алексей почувствовал, как у него от нетерпения подвело желудок, вздрогнули руки и ноздри. Но девчонка тут же убрала руку со свертком за спину, а второй рукой с выставленным вперед пальцем опять показала на майку-безрукавку Алексея.

– Сынымай! – вдруг сказала она по-русски, изуродовав это слово своим жестким афганским акцентом. Алексей вздрогнул:

– Ты знаешь русский?

– Мало. Очэн мало, – медленно ответила она. – Давай твой майку сынымай! – Ее акцент придавал русским словам жестяное звучание.

– Прямо здесь, что ли? – еще больше заколебался Алексей, как будто знание этой девчонкой нескольких русских слов еще больше стесняло его раздеться перед ней до пояса.

– Зыдесь... Зыдесь... – упрямо сказала она, все еще держа за спиной руку с анашой.

Алексей уже не мог вынести этой пытки тонким запахом «дури». Зыркнув еще раз по пустым стенам лачуги, он быстро сбросил с плеча автомат, зажал его в коленях, расстегнул поясной ремень с тяжелой латунной пряжкой и сунул его пряжкой в брючный карман. Теперь оставалось стянуть с себя гимнастерку с майкой, но... Именно в этот момент он не будет видеть никого и ничего вокруг, и именно в этот миг так легко будет «посадить его на перо» – на нож, на кинжал.

– Нэ тырус... Нэ тырус! – насмешливо и нетерпеливо сказала девчонка, и он с трудом понял, что она хочет сказать: «Не трус!»

И тогда, действительно устыдившись своей трусости, он одним движением сдернул с себя гимнастерку и майку, а затем стал неловко высвобождать майку из рукавов вывернувшейся наизнанку гимнастерки. Но зажатый в коленях автомат собирался вот-вот выскользнуть...

– Дай суда... – Девчонка дернула у него из рук и майку, и гимнастерку, ловко высвободила майку и бросила Алексею его гимнастерку и пакет с анашой. Затем внимательно посмотрела на его голые плечи и грудь, сказала:

– Все русский без волос!

– Откуда ты знаешь, что все? – просовывая руки в рукава гимнастерки, уже насмешливо спросил он.

– Зынаю, – сказала она.

И Алексей почему-то поверил, что она действительно знает.

А она вдруг резко отвернулась от него, одним движением сбросила с себя темную вязаную, вытянутую книзу и порванную в нескольких местах кофточку и быстро надела его майку.

На секунду Алексей увидел темную девичью спину с острыми лопатками и худые узкие плечи. Он оторопел – чтобы афганка разделась при мужчине! При русском солдате-«шурави»!..

– Еще теплый... – Глядя майку, она повернула к Алексею лицо, враз изменившееся от счастливой улыбки. Кокетливо изогнувшись, она узлом затянула на бедре широкие края майки, опять провела рукой по мягкой трикотажной ткани. Майка на мгновение обтянула ее маленькую грудь с острыми сосками.

Теперь, став обладателем анаши, Алексей тут же зашарил по карманам в поисках бумаги, чтоб скрутить мастырку. И выругался вслух:

– Я-пп-понский бог!

Бумаги не было, и вообще в карманах была одна махорочная кроша.

– У тебя есть бумага? Газета? – спросил он.

Девчонка смотрела на него внимательно и молча. «Не поняла, наверно», – подумал Алексей и повторил, показывая пальцем, как закручивают мастырку:

– Бумагу! Курить хочу!

Она продолжала пристально смотреть на него. Затем молча повернулась и, легко шлепая босыми смуглыми ступнями по земляному полу, подошла к очагу, над которым висел на стене медный таз. Встав на цыпочки, пошарив рукой в какой-то не то щели, не то дыре в стене, достала три самокрутки-мастырки. И издали кивнула на стоящие в ногах у Алексея две банки гущенки и полкуска мыла.

– Тапбил?

– Тапбил, тапбил! – торопливо сказал Алексей, потому что зашабить уже хотелось смертельно.

И даже шагнул к девушке, нетерпеливо протянул руку, хотя и понимал, что это должно спугнуть ее. Афганки ненавидят русских солдат, ненавидят и боятся. Девушки одеваются в самые уродливые и рваные платья, чтобы не привлекать к себе внимания, лицо закрывают паранджой, ходят только группами. Но эта... Она вдруг сама протянула ему маленький смуглый, зажатый кулачок с мастырками. Топясь нетерпением и сосущим желудок и кости желанием затянуться, он тут же взял горячий кулачок девочки-афганки и стал осторожно разжимать ее пальцы.

– Давай, ну чего ты? Тапбил... – сказал он нетерпеливо.

И вдруг услышал тихий смешок. Ладонь девушки была пуста. Другую руку она по-детски спрятала за спину. Он почувствовал, что краснеет.

– Ты чего?... Кончай, мне курить охота! Дай...

Но она, посмеиваясь, отошла от него и легко опустилась на матрац-подстилку. Поджав под себя ноги и накрыв их широкой темной юбкой, сказала:

– Иды сюда. Вместе курить будем. – И ладонью похлопала по матрацу рядом с собой. И черт-те откуда, из кармана той же огромной юбки, у нее в руках вдруг оказалась большая латунная, сделанная из стреляной гильзы зажигалка. Такие зажигалки мастерят советские солдаты – не потому, что нет спичек, а чтобы привезти домой символы-сувениры своего армейского в Афганистане быта. Чиркнул кремьень, несколько затяжек они сделали молча.

– Откуда ты знаешь русский? – блаженно вытянув ноги, спросил Алексей, когда тягучий и легкий кайф поплыл по телу.

– Зынаю... – неохотно сказала она. – Друг был... учил. Теперь нету. Аллах позвал.

– Кто такой? Из нашей части? – Он внимательно посмотрел на нее. За два последних месяца даже в этом «оазисе» в их полку погибли двадцать три человека. Конечно, когда-то, давным-давно, год назад, они переживали каждую такую смерть, как свою собственную. Вернувшись из «блоков», с постов, с рейдов в свои палатки в военгородке, они не могли смотреть на пустые койки погибших или отправленных в госпиталь. Многие в рев ревели, головой бились о подушку, утром страшились глаза открыть – ждали, что пошлют в новый рейд, в

новую атаку, и к вечеру уже твоя койка может оказаться пустой. А потом отупели, остервенели и искали выход – кто в мести за погибших друзей, кто в анаше. – Кто тебя учил русскому? – повторил Алексей свой вопрос, потому что девчонка молчала.

– Ты не знаешь его, – сказала она не очень охотно, сухо. – Он раньше погиб. Ты еще не пришел. Год раньше.

– А откуда ты знаешь, когда я прибыл сюда? – удивился Алексей.

– Улима зынайт. Твой друг, с которым ты ходыш, я тоже зынайт... – Она тихо засмеялась, анаша делала ее смешливой.

Юрка Шалыгин, закадычный дружок Алексея, четвертый номер в их боевом расчете экипажа БРДМ², и сейчас был где-то недалеко, он-то и занимался в основном мелким обменом старого солдатского обмундирования и продуктов на анашу и козье молоко, а самое главное – это он придумал протянуть от электродвижка в части навесной провод-подвеску в кишлак, дать им сюда свет и тем самым посадить их «на договор»: мы вам – электричество, а вы нам – покой от духов в зоне вашего кишлака. И теперь Юрка был для этих местных афганцев почти святой, а начальство легко отпускало его сюда для мелкого ремонта проводки и «расширения контактов с местным населением» – то какой-то старухе дувал починить, то детей учить русской азбуке. Одним словом – они же «воины-интернационалисты»? А язык у Юрки дай Бог как подвешен – любому офицеру мозги запудрит. И даже по-афгански наблатыкался шпарить, не то что остальные – только «салам алейкум», «хош амадыд» и «ташакур». Конечно, Юрка всегда брал с собой Алексея...

– Значит, тебя Улима зовут? – Алексей протянул руку за мастыркой. – А я Алексей.

– Улима зынайт – ты Алексей, Альоша... – сказала она, не дав мастырку, а отведя ее на вытянутой в сторону руке. Но вдруг встала на колени и приблизилась к нему. От запаха ее теплой кожи у него перехватило дыхание. А она одной рукой обхватила его за шею, другой поднесла к его губам короткий окурочек.

От неожиданности он поперхнулся и долго не мог откашляться. Она терпеливо ждала, не снимая руки с его шеи, насмешливо поглядывала на него сверху вниз темными влажными глазами. Затем вдруг подняла майку до плеча и крепким коричневым соском уперлась ему в губы. Алексей жадно проглотил его пересохшим ртом, двумя руками обхватил девчонку за талию. Она тихонько застонала, смеясь.

Никогда в жизни он не чувствовал такого возбуждения, какое испытывал, целуя эти соленые, занимающие полгруды твердые соски. Они напоминали ему высушенные жгучим солнцем крупные сливы, которые в раннем детстве он запихивал себе в рот целыми горстями. Бабка Маша ругала его за это, чертыхала и тут же крестила, пугалась, что он подавится, а он убежал и, набив рот черносливом, прятался в кустах. И так же, как черносливы в детстве, теперь ему нравилось заглатывать эти соски, перекачивать их языком и слегка покусывать зубами.

Улима лежала под ним и тихо постанывала. Она то поджимала ноги, то вытягивалась, как струна, не уставая и крепко обхватив его за шею худыми смуглыми руками. Афганка, она сама – сама! – отдалась ему, русскому «шурави»! И какая! Он чувствовал необыкновенную, неиссякаемую силу в этой маленькой, хрупкой на вид и гибкой, как ящерица, девушке. Желание, казалось, выжигало ее изнутри, выламывало ее смуглые узкие бедра, и тогда она вскрикивала, как от пронзительной, горячей боли – диким, гортанным, сухим криком... У нее было странное тело: грудь, живот и плечи – гладкие, нежные, а ноги и руки – шершавые, жесткие, словно принадлежали другой. Но Алексею это нравилось куда больше, чем рыхлые тела инертных русских девушек, которых он тискал до армии в кустах за танцплощадкой или еще раньше – под лестницей в сиротском интернате. Ее тело было живым, упругим, пружинистым и пульсировало внутри волнами какой-то звериной страсти. Эта внутренняя страсть вдруг заставляла их

² Боевая разведывательно-дозорная машина.

замереть недвижно, стиснув друг друга, и тогда он чувствовал, как бешено пульсирует, сжимаясь и разжимаясь, ее нутро, ее маленькие горячие тиски-тисочки... Смуглый Восток знает о любви куда больше, чем бледнолицый Запад – он понял это на том соломенном матраце. Но он не выдерживал этой пытки неподвижным раем – ее огонь переливался в него, взрывал в нем какие-то даже ему самому неизвестные запасы энергии и силы, выгибал ему позвоночник и бросал в хрипящую атаку, не позволяя уставать. Еще, еще, еще... Нахраписто-нетерпеливый Запад сошелся со скрытым и стойким огнем медлительного Востока. Еще, еще!.. Словно в первый и самый последний в жизни раз...

Тень соседней горы уже накрыла кишлак, когда снаружи застучали по камням ботинки Юрки Шалыгина и послышался его недоумевающий зовущий свист.

Алексей выбрался из хибары, волоча автомат на ремне. Он не понимал – как, за что, почему именно ему Бог или Аллах подарил эту юную безумную афганку. Если духи узнают, они убьют ее, четвертуют, порежут на куски. Но он не думал об этом. Ноги дрожали, руки были ватными от слабости, и все тело было пустым и прозрачным. Если бы сейчас его взорвали гранатой, он бы вряд ли это почувствовал. Там, на полу этой глиняно-саманной лачуги, в затихшем горячем теле Улимы осталась вся его сила... Улима ее звали, У-ли-ма!

Часть первая

1

– Леди и джентльмены, наш самолет совершил посадку в аэропорту «Шереметьево». В Москве сейчас 5.45 утра и мороз минус 20 по Цельсию. Б-р-р... Честно говоря, я не люблю морозы и поэтому тут же полечу обратно. Но вам желаю веселого пребывания в Москве, и – спасибо за то, что пользуетесь «Пан-Ам»...

У командира «боинга» был тихий, мягкий баритон, а в наушниках он вообще звучал вкрадчиво и задушевно, как у священника на исповеди. Пассажиры прильнули к иллюминаторам, но в черноте мартовской ночи не было видно ничего, кроме сигнальных огней на рулевой дорожке, по которой «боинг» катил к аэровокзалу. Наконец самолет замер, погасли световые табло с просьбой не курить и пристегнуть ремни, и – довольно увесистый тычок, как тумак в борт самолета, обозначил, что гармошка рукава – приемника пассажиров ткнулась в самолетное туловище.

– Русский сервис начался, – тут же громко прокомментировал кто-то из туристов, пошатнувшихся в креслах.

Остальные ответили нервным смешком и цепочкой потянулись к выходу, жадно поглядывая по сторонам. Как все туристы, они ждали впечатлений немедленно, еще до таможенного контроля, и сразу же получили их: при выходе из самолета в гофрированном коридоре стояли два солдата-пограничника в зеленых фуражках и с автоматами за плечами. Один из них был явно мусульманской внешности, но для туристов и он сошел за русского, и кто-то из бодрячков, какие есть в любой группе, тут же вскинул на этих первых русских Иванов фотокамеру. Но второй, белобрысый, пограничник строго поднял палец.

– Нельзя! – сказал он по-русски.

– «Нэлзья» means forbidden, – тут же сказал кто-то из опытных туристов. – A good start to learn Russian³.

Остальные пассажиры уже шли мимо этих солдат, стараясь не глядеть им в глаза.

Но огромный плакат с изображением кредитной карточки «American Express» на фоне Красной площади, висевший на стене при входе в таможенный зал, всех приободрил. Пассажиры разделились на группы-очереди к молоденьким русским пограничникам, сидевшим в стеклянных будочках паспортного контроля. Очередь шла довольно быстро, однако один синий паспорт с надписью «United States of America» вызвал у юного голубоглазого пограничника некоторое любопытство. «GUR, TANJA» – значились в паспорте фамилия и имя его хозяйки, а дальше была дата рождения – July 19, 1904, пол – F, место рождения – RUSSIA.

Пограничник вскинул глаза. Перед ним стояла высокая, сухая, с властными чертами лица старуха в дорогом светло-кремовом кожаном пальто на меховой подкладке. Она явно нервничала, хотя всем своим видом демонстрировала полнейшую самоуверенность – взгляд прямой, строгий и даже какой-то беспощадный. Губы сжаты, левая рука крепко стиснула лайковую перчатку. Прошедший специальный курс психофизиогномики, молоденький пограничник уже приподнял левую ногу, чтобы нажать специальную кнопочку, сообщающую таможенникам, что при проверке багажа на эту старуху следует обратить особое внимание. Но тут его взгляд упал на правую, без перчатки, руку старухи, которой она только что подала ему свой паспорт. И у юного пограничника, повидавшего немало богатых туристов, глаза округлились от удивления.

³ «Нельзя» – значит запрещено. Хорошее начало для изучения русского языка (англ.).

На узкой, сухой руке старухи, на ее длинных породистых пальцах были три перстня поразительной красоты и, конечно, невероятной стоимости. Один – из белого золота, с крупным, в двенадцать, наверно, карат, бриллиантом в центре, а вокруг бриллианта шла насечка и россыпь мелких бриллиантиков в два этажа. Второй перстень был из старинного червонного золота с крупным изумрудом. Третий – как и первый – из белого золота, с черным агатом, и на этом агате высечен замысловатый герб, а вокруг – цепочка мелких алмазов, как вензеля. Но главным в этих перстнях было еще какое-то дополнительное качество старины – такие перстни можно увидеть только в Грановитой палате Кремля, где хранятся царские украшения. – Вы внесли ваши перстни в таможенную декларацию? – спросил таможенник по-английски.

– Да, – по-русски ответила ему Таня Гур.

Он взглянул на ее декларацию. В графе «Ювелирные изделия и др. ценности» стояло: «2 (two) platinum and 1 (one) golden rings with brilliants and diamonds»⁴. А в графе «Примерная стоимость» против этих колец стояло короткое слово: «priceless»⁵.

– Вы не хотите оставить их в таможене на хранение до отъезда? – спросил пограничник по-русски.

– Нет, – жестко сказала она. – Я не снимаю эти перстни никогда, вот уже шестьдесят лет. Вы можете взять их у меня только с рукой!

– О нет, нет! Что вы! – испуганно улыбнулся пограничник.

Он уже убрал ногу от кнопки связи с таможенниками. Потому что старуха с такими перстнями на руке не станет провозить контрабанду – наркотики, Библии или какую-нибудь антисоветскую литературу. Въездная же виза у нее была в порядке, получена еще в США, в Нью-Йорке, вместе со всей этой туристической группой. И, значит, ее можно впускать в страну без проволочек. Но юношеское любопытство заставило молоденького пограничника спросить:

– Вы родились в СССР? Где?

– Я не родилась в СССР. Я родилась в России, – жестко ответила госпожа Гур.

– Ну, это одно и то же, – улыбнулся пограничник. Он вообще все больше симпатизировал старухе и хотел ей это показать.

Но старуха строптиво улыбнулась и произнесла с надменным вызовом:

– О нет! Россия – это Россия, молодой человек. Для русских людей, конечно!

Юный пограничник тут же посерьезнел лицом, и взгляд его жестко сошелся со взглядом Тани Гур.

– Но вы-то американка... – усмехнулся он, решив не заводить с этой старухой и заноса штамп над ее декларацией.

– Я американка и русская княгиня! – сказала старуха.

Молоденький пограничник снова взглянул на нее и задержал над декларацией руку со штампом.

– Гур? – удивился он. – Разве это княжеская фамилия?

– Гур – это фамилия моего мужа. Кстати, тоже дворянская. А моя девичья фамилия – Одалевская. Мой прадед был князь Одалевский, племянник Кутузова. Еще вопросы?

Казалось, своим холодным, как платина, тоном и бешеным, как внутренний огонь ее бриллиантов, взглядом она вот-вот испепелит этого юного пограничника с комсомольским значком на кителе. Но он выдержал ее взгляд.

– И как давно вы не были в России?

– С февраля 1919 года. Шестьдесят восемь лет.

Он шлепнул штамп в декларацию, вложил лист в паспорт Тани Гур, протянул его ей через барьерчик и, улыбувшись, сказал:

⁴ «Два платиновых и одно золотое кольцо с бриллиантами и алмазами» (англ.).

⁵ «Бесценны» (англ.).

– Welcome home!⁶

«Идиотка! Кретинка! Старая дура!.. Ладно, перестань. Слава Богу, все обошлось... Но я-то! Старая дура! Завелась с мальчишкой! При чем тут он! Семьдесят лет назад его и в помине не было! Кретинка!..»

Но и ругая себя, Таня, глубоко и нервно затягиваясь сигаретой, не переставала улыбаться. По двум причинам. Во-первых, она не струсилась, не спасовала перед этим большевиком-пограничником, а отвечала так, как только и должна разговаривать с коммунистами русская княгиня, пусть даже этот коммунист-пограничник всего лишь мальчишка. А во-вторых...

– Вниманию встречающих! Совершил посадку самолет компании...

Вот эти объявления по радио, звучащие по-русски – ПО-РУССКИ! – вот эти русские надписи повсюду: «ВЫХОД НА ПОСАДКУ», «КАССЫ», «СПРАВОЧНОЕ», и еще то, что какие-то люди, спеша в разных направлениях, смеялись, здоровались и прощались тоже ПО-РУССКИ, – это кружило ей душу, как мазурка времен ее юности. Она готовилась к этому визиту в Россию куда тщательней, чем могло показаться даже самому придирчивому русскому пограничнику, но при всех ее расчетах, которые допускали даже конфликт с советскими таможенниками, она не предусмотрела одной простой вещи: что это так приятно, так замечательно приятно, так волшебно приятно, когда вокруг тебя говорят по-русски! Шестьдесят восемь лет она плавала в других языках, как в чужих водах, и вот – снова в своей, родной стихии!..

Она вертела головой по сторонам, она впитывала в себя русскую речь и русские надписи и, чтобы хоть как-то согнать с лица идиотски-счастливую улыбку, продолжала ругать себя за стычку с пограничником.

Наконец от стойки таможенного контроля отделилась пухленькая фигурка Элизабет. Близоруко оглянувшись поверх спущенных на нос очков и потягивая за ручку-постромок свой небольшой, на роликах, чемодан, Элизабет двинулась к Тане и к группе других американских туристов, стоявших у светлеющего зимнего окна.

– Ты представляешь: оказывается, больше одной Библии нельзя ввозить! – сказала она, подойдя; ее пухлые щеки пылали благородным гневом. – И они записали в мою декларацию, что у меня есть Библия, чтобы я ее тут не оставила! Ты представляешь?!

– Я представляю... – усмехнулась Таня, с высоты своего роста наблюдая поверх седой головки Элизабет за движением туристов через таможенный досмотр багажа и ручной клади. Тот, кто ее интересовал – молоденькая девушка с болезненно-невывспавшимся лицом, – был еще далеко, в конце группы.

– А у этой леди, которая из Нью-Джерси, у нее чемодан с наружными карманами, – продолжала Элизабет. – И в этих карманах у нее была какая-то мелочь – жевательные резинки, бритвенные лезвия, тени для век. Ничего нету! Представляешь?!

– Это могли украсть и в Брюсселе... – отмахнулась Таня.

– Ты думаешь? – поправила очки Элизабет. – Да... Тут неплохо. Вполне приличный вокзал. Посмотри, как декорирован потолок. Прямо орган!

Потолок аэровокзала был декорирован обрезками каких-то труб, и только пылкое воображение Элизабет могло усмотреть в этих трубах сходство с органом, но именно в этом и была вся Элизабет – она чутко, как камертон, улавливала малейшие изменения настроения подруги и тут же подлаживалась к ней, легко сменив свою антисоветскую, у Тани же и перенятую направленность на новое, излучающееся теперь от Тани положительное восприятие всего русского...

– Вы из США? Турагентство «Золотой полет»? – вдруг раздалось издали.

Туристы обернулись. Прямо на них набегал невысокий круглощекий, кареглазый мужчина лет тридцати пяти – сорока в короткой распахнутой дубленке, мохеровом шарфе и

⁶ Добро пожаловать домой! (англ.)

пыжиковой шапке-ушанке. Проехав своими меховыми ботиночками по натертому мраморному полу, он все же сумел затормозить в полуметре от туристов.

– Да? Туристическое агентство «Золотой полет»? Двадцать восемь человек? Правильно?

– Да, сэр... – сказала Элизабет.

– Меня зовут Олег Петров. Я ваш переводчик и гид. Добро пожаловать в Москву! Надеюсь, перелет вас не утомил... – По-английски он говорил совершенно свободно, с летуче-легким британским акцентом, а когда он улыбнулся, его округлое лицо с пухленьким женским подбородком осветилось и сделалось привлекательным, точнее – безмятежным. Казалось, одно присутствие такого лица должно снимать напряжение и сглаживать конфликты. Наверно поэтому Элизабет тут же, углядев в нем родственную душу, протянула ему руку:

– Я – Элизабет Волленс. Как это мило, что вы нас встречаете! А то мы стоим и не знаем, что делать. Я ужасно боюсь незнакомых мест...

– О, у нас в стране вам нечего бояться! – улыбнулся Олег.

– Моя подруга всегда преувеличивает свои страхи, – усмехнулась Таня.

– А где ваши остальные? – быстрым взглядом обежал группу Олег. – Еще на таможне? Неужели? Пойду им помогу! Ждите меня здесь, пожалуйста! Никуда не отходите, через десять минут мы едем в Москву!

Таня недоверчиво посмотрела ему вслед. С момента прилета прошло уже два часа, за окнами аэровокзала стало светать, а через таможенный досмотр багажа прошла разве что половина пассажиров их «боинга». Эти русские таможенники не только просвечивали каждый чемодан, баул или сумку в специальном ящике, который демонстрирует все металлические внутренности вашего багажа вплоть до пуговиц или булавок, но и рылись в них руками, извлекали вокеры и прочую радиоаппаратуру, журналы «Плейбой» и «Пентхауз», Библии и все остальные книги...

Но с появлением Олега Петрова дело действительно пошло быстрее – он проскочил в таможенный зал, крикнул там громко, по-хозяйски: «Golden Flight», «Golden Flight!!!»⁷ и, словно курица-наседка, тут же собрал восемь отставших туристов своей группы (среди них была и худенькая Джуди Сандерс, за которой так внимательно наблюдала издали Таня Гур) и повел их к неработающей таможенной стойке, за которой не было никакого таможенника. Там, у стойки, он их оставил, убежал куда-то во внутреннее помещение и тут же появился с таможенником, который стал быстро и бегло проверять вещи американцев – так, словно ему и дела не было до того, сколько в их чемоданах Библий или журналов «Пентхауз». Но даже в этой очереди Джуди стояла последней. И Таня мысленно усмехнулась. Девочка действует точно по инструкции! Такую бледность на лице и такие болезненно-воспаленные глазки невозможно имитировать косметикой, а можно получить, только если внушить себе, что ты и на самом деле бледная немочь, студенточка-лингвистка, увядающая над русской премудростью в лингафонных кабинетах и библиотеке Нью-Йоркского университета. Да, еще там, в Нью-Йорке, Таня распорядилась: Джуди нигде, никогда, ни разу за всю поездку не обнаружит их прежнего знакомства, будет всегда держаться особняком. И в этом случае, даже если у Тани будут в России какие-то осложнения из-за ее русского, княжеского происхождения, это не помешает Джуди выполнить то, ради чего она и летит в Москву. И не только она, все они, все трое – Таня, Элизабет и Джуди...

– А русские женщины красятся? Я слышала, что это запрещено... – Сидевшая на переднем сиденье автобуса высокая сорокалетняя жительница Нью-Джерси – та самая, у которой из кармашка чемодана исчезли жевательная резинка и тени для век, – откровенно кокетничала с переводчиком. Она ужасалась русским морозам так, словно в своем Нью-Джерси никогда не видела снега, спрашивала о мелькавших за окнами машинах, о сексе в России.

⁷ «Золотой полет», «Золотой полет!!!» (англ.)

– Что за чушь! – улыбнулся гид. – Ну как можно запретить женщине краситься?! Было бы чем! – И, посерьезнев, он сказал в микрофон: – Леди и джентльмены! Вы приехали в страну, которая отличается от всего виденного вами до сих пор. Но это не зверинец, здесь живут такие же люди, как везде! Прошу вас, забудьте о той лживой информации, которой вас напичкали ваши телевидение и газеты. У нас еще немало недостатков, но сейчас мы сами говорим о них громче и откровенней, чем даже «Вашингтон таймс». Перед вами, господа, живая и интересная страна, в которой сейчас происходят поразительные процессы. Смотрите и делайте свои выводы сами! Мы теперь не прячем ничего...

Но Таня и без его совета уже давно прилипла лицом к окну. То, что она видела, ошеломяло ее. Конечно, она давно читала, что Москва разрослась, что здесь построено много новых домов, но то было какое-то внешнее, словно бы постороннее знание, а внутренне она была уверена, что летит в свою старую Москву, которую большевики наверняка превратили за эти семьдесят лет в какие-нибудь полуруины наподобие тех жутких районов Бронкса, куда завез ее однажды по ошибке какой-то таксист-пуэрториканец. Впрочем, даже если бы в Москве оказалось не так ужасно, как в Бронксе, она бы тоже приняла это как должное – ведь должны же большевики хоть как-то поддерживать жизнь в стране...

Однако то, что она видела сейчас сквозь широкое окно комфортабельного автобуса чешского производства, категорически не совмещалось с ее представлениями о коммунистическом концлагере по имени «СССР». Огромные, неохватные взглядом жилые массивы из новых двенадцати- и шестнадцатизэтажных светлых домов стояли по обе стороны прямого шестирядного шоссе. Такие пригороды Таня видела в Европе, в рабочих районах Парижа, но даже там, в Париже, такие двенадцати- и шестнадцатизэтажные дома стоят тесно и кучно из-за дороговизны на землю, а здесь – простор, какие-то заснеженные парки, снова жилые дома, школы, троллейбусы, стадион и опять – парк, а за ним очередная панорама белоснежных домов, и все это – в розово-морозном окладе дрожащего марева восходящего за лесом солнца, все это искрится в солнечных лучах, словно тихо звенит инеем, чистым воздухом... Господи, да Россия ли это?!

– Посмотрите направо, – звучал в автобусе голос гида. – Перед вами Северный речной вокзал. В центре этого ажурного сооружения – башня со шпилем из нержавеющей стали. На ее вершине сияет пятиконечная звезда – подобная тем, что украшают кремлевские башни. Но не кажется ли вам, что здание этого речного вокзала напоминает стоящий у причала теплоход? Так задумывал его архитектор в 1937 году...

Элизабет взяла Таню за руку и подбадривающее сжала ее. Она видела, с каким лицом и как неотрывно смотрит Таня в окно и, кажется, вовсе не слышит, что говорят вокруг. И ей захотелось сказать что-то Тане, развеселить ее или даже заплакать от умиления перед величественной, как ей казалось, минутой встречи подруги с родиной. Но она боялась, что Таня разозлится или, еще хуже, – вдруг заплачет сама. Элизабет никогда не видела, чтобы княгиня плакала – даже там, в том флоридском госпитале в Сарасоте, где они познакомились два года назад, в день смерти Таниного мужа. Да, даже тогда эта суровая, властная княгиня не плакала, а просто брякнулась посреди вестибюля на пол, потеряла сознание и провалялась в госпитальной палате больше недели. А потом встала и с сухими глазами, без слез поехала на кладбище к могиле мужа...

Но теперь Элизабет была уверена, что слезы душат Таню, просто эта всегда сдержанная русская не позволяет себе расслабиться даже в такой радостный момент.

А Таня была благодарна Элизабет за то, что та молчит. Таня сама себя не понимала. Если бы она увидела то, что в душе ожидала увидеть – дома-трущобы с облупившейся штукатуркой, замусоренные улицы с людьми, одетыми в лохмотья, – испытала ли бы она какое-то мстительное удовлетворение? Если честно, то – да, испытала бы! Ведь это вранье, когда пишут в газетах, что Россия поработана большевиками, что большевики завоевали Россию, захватили власть

в ней. Кто-кто, а Таня сама помнит, как в 1917-м и 18-м годах пьянела Москва от красных большевистских флагов и лозунгов, как все, даже многие друзья отца, носили красные банты, как студенты упоенно распевали на улицах «Марсельезу» и «Яблочко». Страна сама отдалась большевикам, как пятнадцатилетняя девчонка с мозгами, закружившимися от хмеля, романтических обещаний всеобщего братства, равенства, свободы и вон там, за углом – счастья грядущего коммунизма. Рабочие семьи, опьяненные властью, вселялись в особняки бежавших аристократов. И если бы теперь Таня увидела, что эти особняки превратились в руины, она с удовлетворением восприняла бы это как месть истории за ее расстрелянных в 19-м году родителей, за ее не рожденных по вине этих большевиков детей...

Но, с другой стороны, можно ли желать зла даже не детям, а правнукам тех, кого одурачили первые ленинские лозунги «Власть – рабочим! Земля – крестьянам! Мир – народам!»? И виноват ли этот голубоглазый мальчик-пограничник в том, что случилось с Таней шестьдесят восемь лет назад? Виноваты ли эти, сегодняшние, в том, что случилось с их Россией семь десятилетий назад?

И тем не менее при виде этих новых красивых микрорайонов, троллейбусов на широком проспекте, снегоочистительных машин и прочих примет цивилизованной жизни Таня сухо, почти оскорбленно поджала губы...

Рядом, у красного светофора, остановился сияющий вымытыми боками трамвай. Несмотря на утреннее солнце, внутри трамвая еще горел свет. А все сиденья были пусты, кроме заднего, где, уронив голову на плечо, спал мужчина лет пятидесяти. Рот его был открыт, обнажив два металлических зуба, серые щеки заросли щетиной...

Таня в ужасе отпрянула от окна. Нет! Этого не может быть! Тому солдату, который ее насиловал, пятьдесят лет было уже тогда, в 19-м году! Господи, неужели теперь в России она обречена всюду видеть эти страшные тени прошлого?!

Трамвай уже давно свернул куда-то в сторону, в депо, а Таня все не могла унять нервную дрожь.

– Что с тобой? Что случилось? – испуганно спрашивала Элизабет.

Тем временем гид продолжал:

– Мы въезжаем на знаменитую улицу Горького! Справа от вас площадь Белорусского вокзала и памятник пролетарскому писателю Максиму Горькому...

Таня жадно посмотрела на вокзал, с которого шестьдесят восемь лет назад она уезжала с родителями из этой страны. Господи, вот она наконец – ее Россия! Здание вокзала не изменилось – те же белые и зеленые пилястры, купола на каменных башенках, массивные деревянные двери. И – Боже мой! – те же дворники в валенках, в полотняных фартуках, надетых поверх черных пальто и ватников, лопатами сгребают снег в сугробы, тяжелыми металлическими ломомы долбят на тротуаре лед. Господи! – сокрушалась Таня, словно опять увидела привидение. Как семьдесят лет назад – дворники, ломы, валенки и даже резиновые галоши на валенках те же – чуни!.. Но где же Триумфальная арка? Чем им мешала Триумфальная арка, построенная в честь победы над Наполеоном еще 150 лет назад?!

За окнами автобуса замелькали плоские рисованные вывески магазинов и кафе: «ТАДЖИКИСТАН», «ПИОНЕР», «ДИНАМО», «ЯКОРЬ», «МУЖСКИЕ КОСТЮМЫ». Ой, да ведь это же Тверская улица! Тверская, а никакая не Горького! Это же ведь они Тверскую улицу назвали именем Горького, а на деле-то это та самая – крикливая, яркая, роскошная Тверская, по которой до войны – до первой войны! – катили дорогие экипажи, запряженные знаменитыми курскими рысаками, а потом, в 15-м примерно году, здесь лихо гудели клаксонами первые авто, здесь торговали с лотков горячими баранками, конфетами, шоколадом, здесь мальчишки в лихо заломленных кепках носились с газетами «Биржевые новости». И эта Тверская превратилась во что?

Редкие прохожие, жмущиеся от холода в своих пальто, сиротливо торчат на троллейбусных остановках; в витринах магазинов – муляжные, из папье-маше, продукты и пирамиды банок с рыбными консервами, а над концертным залом гигантская надпись: «ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ».

Английский клуб?! Боже, неужели сохранился Английский клуб? Таня с трудом сдержала ликующий вздох. Да, это он! Это его знаменитая витая металлическая ограда, лепная колоннада перед высокими дверями и знакомые львы на воротах! Сюда часто ездил папа – надушенный, радостный, удачливый и в делах, и в семейной жизни. И здесь же был Танин первый в жизни бал... Но – по глазам как резануло: на стене знаменитого Английского клуба, самого аристократического клуба дореволюционной России, была вывеска с надписью: «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ СССР».

Таня отвернулась от окна и уже весь остаток пути до гостиницы упорно смотрела на спинку переднего сиденья. Нет, это не ее страна! И хватит сантиментов! Она приехала сюда по делу, она специально для этого дела наняла эту девочку, Джуди Сандерс, которая сидит сейчас в конце автобуса, и она обязана вести себя без всяких эмоций, четко, по-деловому – так, словно приехала не на свою бывшую родину, а, скажем, в Монголию. Как там Джуди? Ведь у них всего четырнадцать дней на всю операцию...

2

Красивая мужская рука громко и нетерпеливо постучала по оконному стеклу холеными ногтями.

– Черт возьми, Иван Михальч! – нетерпеливо сказал хозяин этой руки – светлоглазый тридцатипятилетний блондин, свежесбрившийся, с правильными чертами красивого лица, при галстуке, белой сорочке и в сером, явно импортном, костюме. Сидя на низком подоконнике выходящего на заводской двор окна, он небрежно забросил ногу на ногу и, нетерпеливо подергивая отлично начищенным черным ботинком, произнес раздраженно: – Неужели так трудно найти человека на вашем вшивом заводе?!

Рядом с блондином, в кресле у стены, сидел спортивного вида мужчина тоже лет тридцати пяти – сорока, но далеко не такой красавчик. Лицо его было непропорционально фигуре – мелкое, сухое, как булыжник, с резко выступающими татарскими скулами и низким лбом, над которым торчал жесткий бобрин темных, коротко стриженных волос. Костюм на нем был не такой модный, как у блондина, но ботинки – точно такие же, черные и хорошо начищенные. А в руках он держал папку с надписью на бумажной наклейке:

ЛИЧНОЕ ДЕЛО
Алексей ОДАЛЕВСКИЙ
слесарь 4-го разряда

– Вы, молодые люди... то есть, извините, товарищи, не волнуйтесь! – поспешно отвечал блондину пожилой, не меньше шестидесяти пяти, толстяк, Иван Михайлович Гуцин, секретарь партийной организации Мытищинского машиностроительного завода имени Красного Октября. – Его найдут! Никуда он не денется!.. – И Гуцин даже заискивающе встал, подошел к окну.

За окном был длинный и заснеженный заводской двор с типичной зимней сиротливостью глухих и плоских, без окон, бетонно-блочных корпусов заводских цехов, неспешным движением трактора-автопогрузчика и тремя рабочими в курилке. Один из них достал из-за пазухи телогрейки «чекушку» и, отковырнув пробку, тут же запрокинул бутылку над горлом.

– Ах ты, курвец, сукин сын! – возмутился Гуцин под ироничным взглядом блондина и сунулся открыть форточку, чтобы выяснить фамилию алкоголика и нарушителя трудовой дисциплины. Но тут в дверь кабинета осторожно постучали.

– Да?! – повернулся к двери Гуцин, и голос его обрел начальственную наполненность. – Войдите.

Дверь открылась. На пороге стоял высокий, черноволосый, слегка сутулый парень лет двадцати двух. На нем были рабочий бушлат, мятая, в клетку, рубашка и заправленные в солдатские сапоги теплые байковые шаровары. Бушлат был расстегнут, но в поясе перехвачен широким солдатским ремнем с металлической пряжкой. Глядя исподлобья и держа руки в карманах бушлата, парень остановился в двери:

– Вызывали?

– Входи, Одалевский! – властно сказал Гуцин. – Что тебя уже полчаса найти не могут? Вот товарищи из Москвы приехали...

– А я на толчке сидел. Живот прихватило. – Одалевский вдруг простодушно улыбнулся крупными запекшимися губами. – А зачем из Москвы-то?

– Ну что ж! Давай, как говорится, знакомиться! – Блондин энергично поднялся с подоконника и подошел к Одалевскому, дружески протянул руку: – Я – Игорь, а это мой друг Станислав, или попросту Стас, – показал он на своего скуластого и спортивно-увесистого друга и повернулся к Гуцину: – Товарищ Гуцин, нельзя ли нам чаю организовать?

Гущин засуетился, засеменял к выходу.

– Конечно! Сейчас! Вам с лимончиком или без? Я мигом!..

– Не торопитесь, Иван Михалыч. У нас времени много. И с Алешей есть о чем поговорить... – Блондин широко улыбнулся Одалевскому: – Садись, Алеша.

Алексей удивленно оглянулся на исчезнувшего в дверях Гущина, внимательно посмотрел на визитеров из Москвы. Кто такие? Почему сам парторг лебезит перед ними? Даже за чаем побежал!..

Стас пошуршал страницей в папке и поднял глаза на Алексея:

– Когда вернулся из Афганистана?

– В августе прошлого года...

– В каких войсках служил?

– Я не имею права говорить о службе в армии. Бумагу подписал о неразглашении.

Стас обменялся взглядом с блондином. Затем взял кожаный черный дипломат, стоявший у его ноги, открыл его, достал плотный лист бумаги и протянул Алексею. Это была копия фирменного бланка с типографской надписью по верху страницы:

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СССР

Приказ № 126/03 от 25.3.1981

ВСЕМ СОЛДАТАМ, СЕРЖАНТАМ И ОФИЦЕРАМ ЗАПАСА,

проходившим службу на территории Афганистана и подписавшим

«Обязательство о неразглашении».

Настоящим довожу до вашего сведения, что на основании решения ЦК КПСС от 24 марта 1981 года и в целях обеспечения безопасности нашей Родины Комитету государственной безопасности СССР разрешено проводить опросы бывших военнослужащих Советской Армии. Сотрудники КГБ по предъявлении своих документов имеют право получить от бывших советских военнослужащих полную информацию по всем вопросам, связанным с их пребыванием в Армии.

МИНИСТР ОБОРОНЫ СССР

П. УСТИНОВ,

Маршал Советского Союза

Москва, 25 марта 1981 г.

Увидев, что Алексей прочел приказ, Стас взял у него лист, снова положил в дипломат.

– Этот документ дает тебе право отвечать на все вопросы. И про Афганистан тоже. А вот мое удостоверение. Чтобы у тебя не было сомнений, с кем имеешь дело.

Он подставил Алексею под глаза красную книжечку-удостоверение. На ней мелкими золотыми буквами было выписано: «Комитет государственной безопасности». Затем Стас привычным жестом распахнул «корочки». Оттуда глянула его фотография и выведенная тушью строка: «Старший лейтенант госбезопасности Коваль С.Ф.».

– Ну зачем ты его удостоверением пугаешь? – Блондин недовольно поморщился. – Перед нами, можно сказать, герой афганской войны! Был там ранен. Сколько ты провалялся в госпитале, Алеша?

– Три месяца и шесть дней. А чего вам надо от меня?

– Ты дружил в Афганистане с рядовым Юрием Шалыгиным. – Стас откинулся на спинку стула и смотрел Алексею в глаза. – Во время апрельского наступления в долине Логар рядовой Шалыгин исчез. И с тех пор числился пропавшим без вести. Но недавно мы узнали, что он добровольно сдался в плен и получил политическое убежище в Англии. Вот об этом твоим дружке мы и хотим поговорить.

– А что я могу о нем рассказать? – растерянно улыбнулся Алексей. – Я ничего не знаю...

– Ты, Одалевский, зубы не скаль! – резко сказал Стас. – Если бы этот паскуда был просто дезертиром – хрен с ним! И даже если бы он дал пару антисоветских интервью в газеты или по Би-би-си – тоже! Мы бы пережили! Но этот подонок добровольно вернулся из Англии в Афганистан или ездит туда периодически и воюет против нас. Не автоматом, нет. Антисоветской литературой! Полюбуйся!.. – Стас снова открыл свой дипломат, вытащил из него газету «Правда» и положил на стол перед Алексеем.

Алексей с недоумением посмотрел на газету. «Правда» как «Правда», чуть пожелтела. Наверно, прошлогодняя...

– Ты заголовки прочитай, Алеша, – мягко сказал сбоку блондин.

Алексей взял газету и глазам своим не поверил. На первой же странице был заголовок: «РУССКИЙ СОЛДАТ – ЖЕРТВА ПРЕСТУПНОЙ ПОЛИТИКИ КПСС». Алексей испуганно отстранил от себя газету, но Стас сказал приказным тоном:

– Ты почитай статьи, почитай.

– Зачем? – спросил Алексей.

– Я думаю, он видел такие статьи на листовках в Афганистане, – сказал блондин Стасу.

И Алексей все понял: в этой газете были опубликованы те листовки, которыми моджахеды периодически забрасывали расположение советских войск. Однажды в Нанганхаре ими было усыпано полгорода. В них было написано о «фашистской власти Кремля», «иге коммунизма», «варварстве русских оккупантов» и о том, что в рядах Национального Исламского Фронта Афганистана воюет против Советской Армии уже больше сотни русских солдат, перешедших на сторону моджахедов. Они-то, те дезертиры, и писали, конечно, листовки, но – Господи! – те листовки были написаны от руки, с грамматическими ошибками, над которыми все солдаты смеялись, а тут – газета! «Правда»! Типографский набор!.. Но какое отношение к этому имеет Юрка Шалыгин?

– Тебе знакома такая фамилия – «Твердыш»? – спросил Стас.

– Нет, – сказал Алексей.

– Ты уверен?

– Да.

Стас взял «Правду», развернул ее и прочел:

– «Юрий Твердыш. „ПЕРЕДАЙТЕ МОЕЙ НЕВЕСТЕ!“ – Затем поудобней откинулся на стуле и стал читать с ироническим нажимом, как бы актерски: – «Брат мой, брательник, русский солдат! Я служил с тобой рядом, я был с тобой в раскаленном от жары БРДМ, я глотал черный дым от КПВТ⁸, я замерзал в Нанганхаре и стрелял по душманам... Но теперь – шабаш, я отстрелялся! Передай моей невесте – она меня никогда не увидит! Передай моей матери – она меня тоже никогда не увидит! Передай моей родине – и она меня не увидит, нет! Но зато – пусть они знают: здесь, вдали от них, я остался человеком. Я не расстреливаю детей и женщин, я не сжигаю напалмом деревни и кишлаки, я не травлю людей ОВ, я не разбрасываю на дорогах детские игрушки-мины. Я остался человеком! Что лучше, братан, прийти к матери и сказать ей: «Я убийца», прийти к невесте и обнять ее обагренными детской кровью руками, или вообще вернуться к ним в «черном тюльпане»⁹, или – пусть вдали от них, но остаться человеком? Что лучше, брат мой, русский солдат? Когда ты прочтешь эту газету и порвешь ее в страхе перед замполитом или скрутишь из моего письма самокрутку с солдатской махрой и сделаешь первую глубокую затяжку, пусть вместе с дымом войдут в твою душу вопросы: что лучше – убивать или не убивать? Жить убийцей на родине или?.. И знаешь: власть, которая заставляет людей быть убийцами, не может быть вечной. Нам с тобой всего по двадцать лет! Я уверен, что через 5, 10, пускай через 20 лет рухнет эта фашистская власть в Кремле и я вернусь

⁸ Крупнокалиберный пулемет Васнецова, танковый.

⁹ «Черный тюльпан» – самолет, на котором везли группы в СССР из Афганистана.

на родину. Пусть невеста предаст, пусть Родина забудет – мать меня встретит, и я ей скажу: «Я никого не убил, мама! Я выжил человеком...» Ты меня понял, брательник?»... – Стас отложил газету и испытующе посмотрел на Алексея: – Ну как?

– Что «как»? – спросил Алексей. Но он уже все понял. Эти рассуждения о том, что лучше – выжить человеком или вернуться домой калекой и убийцей, – были типичными рассуждениями Юрки Шалыгина, а «браток», «братан», «брательник» – это прямо из его лексикона, Алексей словно услышал Юрку рядом с собой. Значит, Юрка жив! Но при чем тут эта странная фамилия? Как они сказали – «Твердыш»?

– Это он написал? – спросил блондин.

Алексей пожал плечами:

– Вы же назвали другую фамилию...

– Не важно! – резко сказал Стас. – Ты узнал его интонации? Это его слова – «братан», «брательник»? А?

В конце концов, если Юрка в Англии или даже в Афганистане у моджахедов, то ему наплевать на этих гэбешников, подумал Алексей. Но сказал все-таки осторожно:

– Черт его знает! «Братан», «брательник» – у нас так все друг друга называли. И даже сейчас на заводе... – Он махнул рукой в окно на заводские цеха.

– А Нанганхар? КПВТ? БРДМ? – усмехнулся Стас. – Ваша часть была в Нанганхаре именно зимой, верно? И вы ездили в БРДМ и стреляли из КПВТ. Верно?

Алексей молчал.

– Да или нет? – вдруг стукнул по столу Стас.

– Да, конечно, – поспешно сказал Алексей.

– То-то же!.. – удовлетворенно произнес Стас. – Мы сюда не в игрушки приехали играть. Мало того, что этот подонок пишет эту блевотину и печатает в Италии фальшивую «Правду», он еще привозит ее в Афганистан и забрасывает в наши казармы!

– Но вы же прочли другую фамилию...

– Твердыш, – сказал блондин. – Твердыш – это поселок в Курганской области. Шалыгин там родился и жил до призыва. А мать его до сих пор там...

– Да знает он! – оборвал Стас. – Они же год были друзьями!

И тут Алексей вспомнил – действительно! Поселок Твердыш, Майская, 22 – адрес Юркиной матери. Два года назад он его наизусть заучивал, но после контузии все вылетело из головы. Эх, Юрка! Ты жив, жив, но ишь куда тебя забросило – Англия, Италия, моджахеды! Дурак ты, брательник, эти молодцы достанут тебя где угодно, хоть в Англии, хоть на Мадагаскаре!

Тем временем Стас открыл дипломат и достал маленький магнитофон. Положил его на стол, нажал кнопку записи.

– Итак, – жестко сказал он. – Как ты познакомился с Юрием Шалыгиным?

– Как познакомился? Обычно... – Алексей опасливо покосился на слегка шипящий магнитофон.

– Подробнее! – приказал Стас.

– А чего подробнее? Когда его привезли в батальон, я уже год как провел в Афганистане. А он был «салага». Ну и познакомились – его же в наш взвод зачислили!

– А как к нему солдаты относились? – Блондин сел на место секретаря парткома и облокотился руками о стол. – Ты, Алеша, рассказывай нам все. Какой он был, этот Шалыгин? Нам все пригодится.

– Он был... ничего... нормальный. – Алексей задумчиво потер затылок. – Ребята его, честно говоря, не любили.

– Почему? – Блондин откинулся на спинку кресла.

– Не знаю. Может, потому... посылками из дома не делился, сначала...

– Значит, он был жадным? – спросил Стас.

– Я бы не сказал. Просто... Он же из поселка! А поселковые, что деревенские – не очень сначала делятся...

– И как же вы подружились? – Блондин улыбался.

– Да не подружились мы! Мне наш комбат приказал натаскать его на тренажерах. – Алексей затравленно переводил взгляд со Стаса на блондина и обратно. – Там же горы! А салаги приходят – у них колени слабые, они даже вещмешок таскать не могут, из бронежилетов пластины выбрасывают, чтобы легче по горам ходить. Вы же – не знаете? Я его на тренажерах накачивал, вот он и стал ко мне лепиться, девчонки своей фотку показал...

– Так, так, – оживился блондин. – Как ее зовут?

– Не помню, а может, он не сказал...

Японский бог, что он несет?! Кто купит эту дешевку? Ведь эти гэбешники могут все проверить! В батальоне все знали, что они с Юркой были как братья кровные, на «блоки» только вместе ходили. А сколько раз Юрка прикрывал его, когда он к Улиме смывался, а кто, как не Юрка, делился с ним этими редкими посылками из дома...

Алексею Одалевскому некому было присылать посылки в армию. Его мать умерла, когда ему еще не было года. Он ее, конечно, не помнил. Как ни странно, но у отца не сохранилось ее фотографии. Только у бабки Маши висела на стене маленькая пожелтевшая, оборванная карточка. Из-под стекла смотрела серьезная десятилетняя девочка с толстыми темными косами. А с отцом, который умер шесть лет назад, у Алексея всегда были натянутые отношения. Еще в детстве он часто замечал, что отец тяготеет им и, повзрослев, понял почему. Отец никогда не любил свою жену. Женился на ней только потому, что она забеременела. Коммунисту Александру Одалевскому пришлось законно оформить брак с семнадцатилетней фабричной девчонкой, которую он по пьянке почти изнасиловал. И сколько Алексей помнил себя, у него никогда не было дома. Сначала круглосуточные ясли и детский сад с сердитыми няньками. Затем интернат, где воспитательницы каждый день раздавали детям по сотне подзатыльников и оплеух. Редкие, иногда чуть не раз в год визиты вечно разъезжающего отца, который постоянно менял и профессии, и женщин. Но пока жива была бабка Маша, крикливая толстая старуха, у Алексея хоть было куда прийти по воскресеньям. А когда она умерла, ходить стало некуда. Так и оставался Алексей в пустом интернате по воскресеньям и праздникам, валяясь на кровати и стараясь переспать длинные одинокие дни...

Учился он кое-как. Учителя в один голос говорили, что его губит лень. Действительно, Алексею было противно сидеть за домашним заданием больше получаса. И когда окончил школу, нисколько не огорчился призыву в армию. В армии, в тренировочном лагере под Ашхабадом, он, как и все новобранцы, прошел в «карантине» период испытаний для новичков: издевательства сержантов и уже послуживших, так называемых стариков. Он мыл сортиры зубной щеткой, ползал по грязи, чистил по ночам на кухне картошку, терпел зуботычины пьяных офицеров. Но если для многих салаг это было время унижения, депрессии и отчаяния, то для Алексея тут почти все было не в новинку: законы армейского быта были сродни интернатским.

Алексей никогда не задумывался о справедливости этих неписаных законов. Он подчинился им много лет назад, еще ребенком. Побеждает сильный, злой, жестокий! У кого зубы острее, кулак тяжелей, глотка луженей! Разве это не справедливо? Он так жил, так жили вокруг него, и в армии он снова оказался в родной стихии. Поэтому Алексей Одалевский был хорошим солдатом. И когда объявили отправку в Афганистан, весь батальон грузился в самолет с песнями. Еще бы! Ведь в загранику летим, братцы! «Наш самолет „Ту-104“ компании „Аэрофлот“ совершает рейс по маршруту Ашхабад – Кабул, – объявила молоденькая курносая стюардесса. – Полет будет проходить на высоте 6000 метров. Температура в Кабуле плюс 26 по Цельсию, в горах по-весеннему расцвели тюльпаны». «Ур-ра!!!» – грохнул ей в ответ весь самолет. Вот как они тогда летели! Теперь, когда у моджахедов появились американские «стингеры», «Аэрофлот» перестал возить солдат, на десантных «антонах» летают. А тогда летели в мягких

креслах, с комфортом, со стюардессами! Правда, когда из Кабула их перебросили в Нанганхар – им стало не до тюльпанов...

– А ты вспомни. – Блондин встал с кресла, отошел к окну. – Ты вспомни, Алеша. Если у Шалыгина была девушка, то нам она очень нужна. Ты вспомни. Откуда она? Из того же Твердыша?

– Я не помню, гад буду! Я же после контузии...

– А ты подумай. Ты же видел ее письма. Он же тебе ее письма показывал?..

– Да врет он все! – вдруг решительно сказал Стас блондину. – Ты что, не видишь? Он нам мозги пудрит! Девушка! Фотография! А конкретно – ни хрена!

– Да я же говорю – я после контузии, – развел руками Алексей и, как в интернатских скандалах, стал повышать голос до крика: – Я три месяца в госпитале отвалился! У меня справка...

– Ша! – Стас саданул кулаком по столу. И сказал спокойней: – Ша. Ты нас на горло не бери, мы не таких видали. Но учти: тебя, Одалевский, пока, – Стас выделил это «пока», – никто ни в чем не обвиняет. Но нам нужна информация о предателе родины. Правдивая информация! Ты понял?

– Говорил он тебе, что хочет бежать? – Блондин неторопливо подошел к свободному стулу у стены и сел.

– Нет. Никогда! – Алексей постарался искренне возмутиться. – А то... Я бы его отговорил, гад буду!

Блондин оживился:

– Отговорил бы? А почему?

– Ну... потому... потому что...

Прости, Юрка, кореш мой единственный! Не смог я тебя тогда отговорить! А жаль! Не было у меня друга лучше, чем ты, не было и не будет! А сейчас надо выкручиваться – не ради тебя, тебе-то что, а ради себя. Надо, как в интернате, валить все в одну кучу, смешать, замутить, прикинуться дурачком контуженным!

– Потому что это предательство родины! – на едином дыхании выпалил Алексей и открыто посмотрел блондину в глаза. Того, казалось, разочаровал ответ.

– Очень искренне сказал! Молодец! – насмешливо протянул он. – Но все-таки расскажи нам о нем подробнее. Вы же год воевали вместе. Что он был за парень? Любил, например, книжки читать? Как говорили древние философы: скажи мне, какие ты книги читаешь, и я скажу тебе, кто ты.

– Книжки? – Алексей искренне рассмеялся. Ах ты жук навозный! Тебя бы туда хоть на месячишко! Тебя бы в «зеленку», на выносной пост или в горы на «блоки»! В эти сучьи горы, где зимой от переохлаждения и страха печень перестает работать, где летом, в жару – только в касках и бронежилетах и ползаешь, как червь, и ждешь каждый миг или пули снайпера, или прыжка духа на спину. Тебя бы на мины, на разминирование – ты бы не спрашивал про книжки! Ты бы об одном только думал и день и ночь – где добыть водки или гашиша, чтоб забыть, все забыть, отключиться...

– Он не читал книжек. Там вообще никто не читает книжек. Не до того, – ответил Алексей и выжидательно посмотрел на молчавшего Стаса. Кто из них старший, кто кому начальник, на кого больше играть?..

– Я так просто спросил. Понятно, что во время войны не до книжек, – усмехнулся блондин. – Насколько нам известно, Шалыгин исчез во время боя, где тебя ранили. И сержант Жеботько видел вас вместе во время боя.

Алексей почувствовал, как предательски задергалось веко левого глаза и задрожали руки. Значит, зря он тут с ними ваньку валяет: они все знают. Жеботько видел... Но что?

– Что произошло в том бою? Расскажи, пожалуйста, подробнее, – ласково попросил блондин и, усевшись удобнее, закинул ногу на ногу.

– А че рассказывать? Разве это бой был? Мы на засаду напоролись. И меня чуть не первой гранатой звездануло. Ну, ранило то есть. Я сознание потерял. Последнее, что помню: наш старлей крикнул: «В машину! Засада!» И тут меня стегануло! Извиняюсь, конечно.

– А где в это время был Шалыгин?

– Рядом, «в броне». Ну, в БРДМ, по-нашему. А куда он потом исчез, я, честное комсомольское, не знаю...

– А Жеботько сказал, что после приказа командира Шалыгин побежал в сторону душманов, а ты полез в машину. Но вдруг сорвался и бросился за дружкой. И только тогда тебя, как ты говоришь, стегануло. Не юли, Одалевский! Ты решил бежать вместе с ним. Но тебе не повезло. Или повезло – это как посмотреть! Тебя ранило, и твой закадычный дружок видел это, но даже не остановился. Ему было не до того: он же ведь бежал сдаваться в плен! – Блондин говорил тихо и смотрел лучистыми глазами прямо на побледневшего Алексея. – Так это было?

Одалевский понял, что пришел час брать глоткой, иначе никакие оправдания не помогут. Тем более что он чист перед ними: никогда у него не было желания бежать! Просто тогда, влезая в БРДМ, он вдруг понял, что теряет Юрку навсегда. Он даже не знал, что будет делать: орать на него, стрелять в него или силой тащить друга назад! Только однажды он чувствовал такую же боль утраты – когда гроб бабки Маши опускали в землю...

– Не, не так! – закричал Алексей блондину. – Я не стеганутый, чтобы в плен сдаваться! Я знаю, что эти басмачи делают с нашими! Лучше пулю в лоб! А то, что Жеботько вам натрепал... Так этому гаду хорошо цену знали! Он был просто бздун и всех ненавидел. И нас с Шалыгиным тоже. За то, что мы как-то после боя его уделанные штаны всем показали! Нашли кого слушать – Жеботько! Он вообще не из нашего взвода!

– Остынь! Какую речь толканул! – Блондин насмешливо скривил губы. – Значит, ты хочешь сказать, что не собирался бежать с Шалыгиным?

– Не только не собирался, но был против...

– А, так ты все-таки знал, что он сбежит? – вмешался молчавший до сих пор Стас.

– Не ловите меня на словах! Не хотел я бежать и ничего о побеге Шалыгина не знаю. Я был уверен, что он погиб. – Алексей кивнул на окно: – Можете спросить у заводских ребят! Я им рассказывал, что кореша потерял. А против был... ну, я вообще против всех предателей родины!

Послышался осторожный стук в дверь. Стас выключил магнитофон и сказал: «Войдите». Заискивающе улыбаясь, вошел парторг Гушин с большим подносом в руках.

– А вот и чаек... Здесь бутерброды, а для особо проголодавшихся горяченький гуляш. Наша повариха Зина большая мастерица по гуляшам с гречневой кашей.

– Спасибо, Иван Михалыч, спасибо! Пахнет действительно знатно! – Блондин глубоко вдохнул острый запах тушеного мяса. – Поставьте на стол и... пройдитесь по цехам, наведите там порядок с вашими алкашами. Если, конечно, у вас нет срочных партийных заседаний.

Иван Михалыч понимающе замахал руками:

– Конечно, конечно! Я побежал!.. Если что нужно – кликните и... Сколько нужно, столько и разговаривайте! – И он боком, торопливо вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Блондин подошел к столу, где стоял поднос, и придирчиво посмотрел на еду:

– Как думаешь – выживем после этого гуляша? Ты будешь, Стас? И ты, Алексей, подсаживайся поближе. Раздели с нами, как говорится, скромную заводскую трапезу. – Он снова уверенно сел в кресло парторга и подвинул к себе тарелку с гуляшом, где стараниями Гушина мяса было в десять раз больше, чем в обычной столовской порции.

– М-м-м! Вполне ничего! – Блондин иронично обвел всех глазами. – Действительно настоящее мясо. А гречневая каша могла быть получше. Вот моя бабушка умеет варить гречневую кашу – каждая крупинка отдельно. А твоя, Алексей, бабушка Маша умела рассыпчатую кашу варить?

– Не помню, – мрачно бросил Алексей.

Про бабушку спросил, гнида! Показывает, что все про меня знает. И чего перед ними фасоны держать?! Предлагают – надо жрать. Так даже естественнее будет...

– Знаешь, Алексей, как говорит русская поговорка: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Так и мы, давай забудем про старое. – Блондин усердно прожевал небольшие сочные куски мяса. – Теперь уже трудно доказать, хотел ты бежать с Шалыгиным или это поклепы Жеботько. Хотя, если нам понадобится, мы все сможем доказать. Не так ли, Стас?

– Так ведь их в том бою видел не один Жеботько, – усмехнулся Стас. – А еще Дурев, Кащенко, Семакин... Они тоже говорят, что Одалевский с Шалыгиным не к машинам, а от машин побежали.

– Да что они могли видеть? – вскипел Алексей. – Дурев вообще уже в отключке лежал, контуженный! Его БРДМ первым на mine подорвался!.. Че вы меня на арапа берете? Семакин и Жеботько не из нашего взвода!..

– Да? Действительно странно... – Блондин задумчиво посмотрел на него. – Четыре человека, не сговариваясь, твердят одно, но оказывается, что один из них был в отключке, другой просто гнида и сексот... Что ты думаешь, Стас?

– Куда вы гнете? – Алексей со стуком поставил тарелку на стол. В голосе зазвенела слеза. – Что вы хотите? Я сказал вам правду. Да, я видел, как Шалыгин побежал к душманам. Без оружия. И я рванулся за ним. Потому что хрен его знает, может, он чокнулся, а может, он подвиг хотел совершить – как Матросов, накрыть их пулемет своим телом. И тут меня ранило. Ну!

– Ты не ори и истерик не закатывай! – зло сказал Стас. – Скажи спасибо, что с тобой по-человечески разговаривают. И здесь, а не в другом месте. Понял?

– Спокойно, Стас, остынь. Человек не до конца понимает серьезность ситуации, вот и все. Но, Алеша, Стас тоже прав. Мы тебя ни в чем не обвиняем, как видишь – кашу с тобой вместе едим. Но попади это дело к другим, они могут повести его иначе. Вот и все. – Блондин отодвинул от себя опустевшую тарелку, достал из кармана платок, аккуратно вытер им губы и подбородок. – Я не хочу сказать, что мы ангелы! Ты этому не поверишь. Просто нам тебя сажать не надо, у нас другая задача. Мы со Стасом разработали план. – Блондин сложил платок и положил его в карман. – Не буду вдаваться в подробности. Как говорится, профессиональная тайна. Но в этот план входит не ссора с тобой, а, наоборот, сотрудничество.

– И не вздумай брыкаться – живо рога обломаем! – Стас звучно отхлебнул глоток чая из толстого граненого стакана.

– Кончай, Стас! Ты не думай, Алеша, что мы, как в кино о следователях, специально прикидываемся один добрым, другой злым. Я, дорогой мой, могу быть и пострашнее, чем Стас. – Об этом Алексей догадывался и без предупреждений блондина. – А теперь ближе к делу.

Блондин встал и прошелся по тесному кабинету. Он задумчиво перевел взгляд с большого портрета Горбачева на книжный шкаф, где верхняя полка была занята томами полного собрания сочинений Ленина, а вторая – новенькими синими корешками с золотым тиснением: «М. ГОРБАЧЕВ. ПЕРЕСТРОЙКА – КРОВНОЕ ДЕЛО НАРОДА. Речи и выступления. 1985–1987».

– Нам, Алексей, нужно, чтобы ты написал Шалыгину письмо, – сказал он, поворачиваясь к Алексею. – Сначала одно, потом, через некоторое время, другое. Сколько понадобится писем, мы скажем. Но, главное, это должны быть письма друга. Понимаешь? – Блондин поставил стул напротив Алексея и сел на него. Теперь он говорил жестко, отделяя каждое слово. – Мы могли бы написать эти письма и без тебя. И даже твоим почерком. Но тут есть нюанс. Это должны быть твои письма, с присущими тебе выражениями, которые может знать только друг. Такой друг, каким и был для тебя Шалыгин. И я тебе больше скажу: нам очень кстати, что у Шалыгина был такой друг, как ты...

Алексей оторопело смотрел на блондина. Что это – очередная ловушка? Чтобы доказать, что он был Юркиным сообщником?! Или... Что за план они разработали?

– А вы знаете его адрес?

– Конечно, знаем.

– Но вы же говорите, что он в Афганистане, у моджахедов?

– Его почтовый адрес – в Лондоне. Ему письма или пересылают, или он сам за ними приезжает...

– Но письмо от меня?! Он сразу засечет неладное. Откуда у меня его адрес?

– Логично! Ты, Алеша, на правильном пути! – Голос блондина стал мягким и ласковым. – Ты действительно обязан продумывать каждое свое слово. Шалыгин должен тебе верить. А насчет адреса все просто: адрес ты взял у его матери. Она написала ему уже несколько писем и даже получила ответ.

– И что он пишет? – не утерпел Алексей.

– Разное пишет. – Блондин уклончиво улыбнулся. – Думаю, ты тоже получишь от него ответ.

В комнате стало тихо. Стас угрюмо рассматривал свой пустой стакан, блондин встал со стула и снова не спеша прошелся по кабинету. Алексей выжидательно переводил взгляд с одного на другого.

– Вопрос, Алексей, не стоит о том, согласен ты или нет. Мы уверены, что ты это сделаешь. Нам важно, чтобы ты в этих письмах каким-нибудь намеком не выдал операцию, не спугнул Шалыгина. Но в этом случае – не скрою от тебя: все, понимаешь – все твои армейские приятели легко вспомнят то, что они видели и не видели... – Блондин подошел к Алексею и положил ему руку на плечо. – Я тебя, Одалевский, не пугаю. Я считаю, любое дело можно сделать по-доброму. Так, чтобы всем было хорошо. Тебе же наверняка надоело жить в общаге! Давно хочется свою квартиру иметь, куда можно и девочку привести, и так далее. Ты же вообще всю жизнь по интернатам, казармам да общагам. Ну разве это жизнь для нормального мужика? – Блондин посмотрел на Стаса. – Давай мы ему поможем, Стас. Действительно! – И снова повернулся к Алексею. – Двухкомнатную не обещаем, но поставим тебя в список первоочередников на однокомнатную – возможно. Как ветерана войны, раненого воина-интернационалиста. Проще простого. За пару-то писем? Большое дело! Не беспокойся – мы ему мышьяк в твоих письмах не отправим.

Блондин улыбался, и было непонятно, чего больше в его голосе – иронии или делового расчета.

– А зачем тогда мои письма? – Алексей чувствовал, что он у них в капкане. Обложили, суки, хуже басмачей... С каким наслаждением он бы разрядил сейчас весь «калашников» в злобную рожу этого Стаса и в лживую, гладкую, лисью морду этого блондина. Как облегченно вздохнул бы, закрыв за собой дверь кабинета, где валялись бы на полу два гэбиста! У него даже заныли руки от невозможности исполнить это. «Трус!» – подумал он о себе с горечью, словно при нем действительно было оружие.

– Одалевский! – вдруг посерьезнел блондин, будто прочел его мысли. – Я хочу тебе сказать важную вещь. Ты ни в чем не должен себя обвинять! – Надо отдать должное этому гэбешнику – он был хороший психолог. – Я уверен, любой на твоём месте, понимаешь, любой – и тем более Шалыгин, – сделал бы, что нам нужно. А нужно-то суший пустяк! Несколько писем! «Здравствуй, дорогой Юра! Встретил я на днях в пивной одного дембеля из Афганистана, а у него была „Правда“. Стали мы читать, и я сразу тебя вспомнил! Кинулся искать твою мать через адресный стол – ведь фамилию знаю и поселок вспомнил – Твердыш! Дали мне ее адрес – Майская, 22, а от нее узнал твой нынешний адрес. Как поживаешь, браток? Повидаться бы нам, да не судьба!...» Ну и так далее, в таком духе. Ты хотел бы с ним повидаться, верно?

– Вы че думаете, он идиот? Сюда ко мне на свидание приедет?

– Зачем же сюда? – усмехнулся блондин. – Можно и в Афганистане. У нас же там не только армия. Мы оттуда нефть качаем, в Айнаке медь добываем, в Хавайя Раваш – уран. Ты с нашей помощью вполне можешь в Айнак завербоваться. А Шалыгину ведь нужно свои листовки сбывать, вот и начнет тебя вербовать. Понимаешь? Но это, конечно, дело будущего. А пока...

Так вот их план! Сделать из него подсадную утку, заманить Юрку! Ради этого они его и в Афганистан командируют! Вот суки! Нет, надо смываться от них! Исчезнуть! Зарыться!.. Хотя – исчезнешь от них, как же! Юрку в Лондоне отыскали, паскуды! А тут, где каждый второй – стукач, тут они через несколько секунд любого из-под земли вытащат и яйца оторвут. Ох, падлы!..

– Ты, Алексей, иди домой. И подумай над письмом. А через три дня приедешь к нам в Москву с черновиком. На работе тебе дадут отгул. Все будет официально. Но ты уж постарайся, напиши ему хорошее письмо. И главное – правду. И про свой завод, и про общагу, где ты живешь. Сильно не увлекайся, он ведь не ребенок, понимает, что письма за границу читаются. Но и не стесняйся, мы подредактируем. Вот тебе наш телефон и адрес... – Блондин вырвал листок из календаря на столе парторга и быстро написал несколько строк.

Алексей торопливо поднялся, взял бумажку и сделал несколько шагов к выходу.

– Алексей! – остановил его блондин. – Подожди. А как твоя американская бабушка? Не подает признаков жизни?

– Американская бабушка? Какая бабушка? – теперь уже искренне удивился Алексей.

– Ну, из Флориды, Татьяна Степановна Одалевская. Больше не приглашает к себе?

– Ах, эта! Нет, уже три месяца ничего не получал. Но тут я чист! Я все письма сразу в партком приносил, чтобы были в курсе! Можете у Гущина спросить! С придурью, извиняюсь, старуха! Родственница, как снег на голову! Нет, отписалась, видать!

– А почему ты к ней так враждебно? Она тебе двоюродная бабушка вроде – так она пишет?

«Ну тут-то вы меня не подловите, – подумал Алексей. – Тут я чист, как геморрой у Дюймовочки».

– Ну, это еще доказать надо! – сказал он. – Мало ли Одалевских! В одной телефонной книге Москвы – двенадцать Одалевских! Она пишет, что мой дед Петр Одалевский князем был. Но это чистая фигня. Я документы видел – Петр Одалевский был коммунист, комиссар Красной Армии, против Колчака воевал. За это его и реабилитировали посмертно. Вы это, кстати, легко можете проверить. А князей-коммунистов – про такое я что-то не слышал. Так что эта старуха пусть себе другого внука поищет. За пару джинсов ей, может, пол-Москвы во внуки подпишется. Но только не я!

– А если вдруг выяснится, что она действительно твоя двоюродная бабка? – сказал Стас. – Ты бы поехал к ней в гости?

– Куда?

– Ну, куда? В Америку.

Алексей хмыкнул:

– Вы что? Кто меня туда пустит?

– Ну, а если мы пустим? После, конечно, всех наших дел. Писем, ну и прочее...

Покупают! Ох, как покупают! – восхитился их хватке Алексей. Ну, насолил ты им, Юрка, этой «Правдой»! Действительно, что-что, а «Правду» их лучше не трогать, это они не любят...

– Нет, не поехал бы! – сказал он решительно.

– Это почему же? – спросил блондин. – Ты с детства практически сирота, а тут все-таки бабка. Пусть двоюродная, но родня, и притом – княгиня...

В глазах блондина были неподдельное любопытство и недоумение. И отвечать надо было, следовательно, всерьез, от души. Да и в конце концов, почему он не может сказать то, что

думает, что било его до злобы каждый раз, когда он получал эти красивые продолговатые конверты с американскими марками. Хоть они и гэбешники, но, может, дойдет до них хоть что-то человеческое...

– А если она мне правда бабка, то где она была, когда я в интернатах на зассанных матрацах валялся? – сказал он в сердцах. – Бабка! Где она была, когда меня в детдомовской больнице от менингита лечили? Княгиня, бя! А когда я в госпитале концы отдавал? Короче, нет у меня бабки-княгини и не было! И не шейте мне! С меня теперь Шалыгина хватит!

– Это правильно, – впервые за все время усмехнулся Стас. – Ну ладно, иди, князь. Не хочешь в Америку ехать, и хрен с тобой. А письмо напиши и приезжай через три дня. Понял?

– Понял. Пока. – Алексей открыл дверь и поспешно вышел. Блондин, не меняя позы, посмотрел на Стаса:

– Ну? Как он тебе?

– Трухляк! – Стас поднялся, разогнул затекшую в колене ногу. – Сделает все как надо. А ты сомневаешься?

– Не знаю. – Блондин прикрыл глаза и слегка подтянулся. – Не нравится он мне. Контуженный и плебей, а глаза волчьи. Вот тебе смесь крови княжеской и крови слесаря 4-го разряда. Мой дед, кстати, тоже слесарем был. Но кто теперь больше князь – я или он?

3

Трехразовое питание входило в стоимость поездки, и на завтрак дали три ломтика вареной колбасы с квашеной капустой, сырники со сметаной и кофе в стакане. Привыкшая к тостам с джемом Элизабет дотошно изучала стеклянную витрину кафе-буфета: там стояли стеклянные пол-литровые бутылки с кефиром и плавленые сырки в фольге, вареные яйца, салат из свежей капусты с морковью, микробаночки черной икры и миндальные пирожные. Но оказалось, что даже за лишнюю порцию кофе, долитую в тот же стакан, нужно дополнительно заплатить еще сорок копеек. Экономная Элизабет удовлетворилась стандартным набором и, поджав губки, подошла со своим подносом к столику, за которым уже сидели Таня и блондинка из Нью-Джерси. Таня осторожно ковырялась вилкой в сырниках, а вареную колбасу отставила в сторону. Блондинка из Нью-Джерси с удивлением рассматривала миниатюрные русские деньги, которые им всем только что выдали в обмен на доллары в гостиничном бюро обмена валюты. Деньги были словно игрушечные – разноцветные, с портретом Ленина на каждой купюре и размером чуть больше почтовых марок. Но за каждый доллар давали всего 0,68 советского рубля.

– Monopoly money¹⁰, – сказал сбоку кто-то из туристов.

– Неужели за такие деньги можно работать? – удивилась блондинка из Нью-Джерси.

– Все-таки здесь есть какие-то продукты... – дипломатично сказала Элизабет, подсаживаясь за столик.

– И медведи не ходят по Красной площади... – в тон ей заметила Таня.

Красная площадь была совсем рядом – с высоты десятого этажа гостиницы «Россия» сквозь широкое окно во всю стену были хорошо видны Кремль, Спасская башня с рубиновой звездой, купола Храма Василия Блаженного и замерзшая Москва-река с Крымским мостом вдаль. Но все столики у окна были заняты какими-то не то узбеками, не то турками в чалмах и в халатах, поверх этих халатов на них были надеты темные пиджаки. Их было человек тридцать, и вокруг них суетились сразу три официантки и еще несколько молодых русских мужчин в одинаковых серых костюмах.

Мужчины раздавали этим турко-узбекам значки с портретом Ленина и ставили на их столики маленькие флажки со звездой и полумесяцем.

– Кто это? – повернулась нью-джерсийская блондинка к круглощекому гиду Олегу Петрову, который сидел за соседним столиком с тарелкой салата из свежей капусты с морковью. Судя по аппетиту, с каким он поглощал этот салат, казалось, что либо он большой любитель свежей капусты, либо свежая капуста – большой дефицит в СССР.

– Это наши афганские гости, – утерев рот салфеткой, сказал Олег. – Они приехали на курсы комбайнеров и трактористов. – И поспешно сменил тему: – Леди и джентльмены! Внимание! Вечером мы идем в театр, в знаменитый МХАТ на «Чайку» Чехова. А до вечера вы можете отдыхать, ведь вы всю ночь летели, и сегодня у вас единственный день на отдых и акклиматизацию. Но если есть желающие уже сейчас куда-нибудь поехать – поднимите руки. Мы можем посетить Третьяковскую галерею.

– Но Третьяковская галерея у нас в расписании на послезавтра, – сказал кто-то.

– Музей большой, послезавтра мы тоже пойдем, на целый день. А сегодня – на пару часов, для желающих. Итак – раз, два, три... – Он стал вслух считать поднятые руки.

Блондинка из Нью-Джерси, конечно, была одной из первых желающих.

Таня тут же беспокойно взглянула на Джуди Сандерс, сидевшую через три столика от них. Но Джуди сосредоточенно склонилась над своей тарелкой с сырниками.

¹⁰ Деньги как в игре «Монополия» (англ.).

– Мистер Старк, я не понял – вы едете или нет? – громко сказал Олег туристу из Миннесоты. – Поедете? Очень хорошо. Итого одиннадцать человек...

– А когда нам вернут наши паспорта? – спросил мистер Старк.

Паспорта у всей группы забрали при оформлении в гостиницу, когда распределяли номера, и это туристам не понравилось.

– О, не беспокойтесь! – безмятежно и снисходительно улыбнулся Олег. – Паспорта вам завтра же вернут! Это всего лишь маленькая бюрократическая процедура, у нас тоже, знаете ли, есть бюрократия. А вы, миссис Волленс? Вы поедете в Третьяковку? Вы, кажется, тоже поднимали руку?

– Я?.. – Элизабет растерянно взглянула на Таню. И поспешно добавила: – Нет. Я себя плохо чувствую. Давление. После перелета. И нога... Понимаете, у меня проблема с левым коленом...

– А вы, миссис Гур? – Взгляд гида остановился на Таниной руке с перстнями.

– Я не могу. Мне надо отдохнуть, – не слишком вежливо отрезала Таня, разозлившись на Элизабет. Ведь сколько раз она ее предупреждала: не лезь, не высовывайся, старайся не обращать на себя внимание, тем более – гида!..

– Конечно, отдыхайте! – ответил Олег и, с явным усилием отлепив свои глаза от Таниных перстней, обратился к остальным туристам: – Леди и джентльмены! Те, кто не едет с нами в Третьяковскую галерею. Прошу вас, если вы пойдете прогуляться по городу, не забудьте сдать ключ от своего номера дежурной по этажу и получить от нее визитную карточку отеля. В этой карточке написаны ваше имя и номер комнаты, и это ваш пропуск в отель. Кроме того, это поможет вам на улице. Некоторые считают, что за каждым иностранцем в Москве следит КГБ и поэтому можно не бояться заблудиться. Уверяю вас, никто за вами не будет следить, но имейте в виду, что у нас еще далеко не все москвичи знают английский. И если вы заблудитесь, лучше всего – сами обращайтесь к милиционерам. Покажите им карточку отеля, и они помогут вам взять такси. И еще просьба: не забирайтесь слишком далеко от центра города. Помните: перемещение иностранцев по Москве совершенно свободное, но выезд за двадцатимильную зону ограничен. Впрочем, я не думаю, что вы сразу же ринетесь за город изучать наши колхозы. У кого есть вопросы?

Несколько человек сразу подняли руки. Таня усмехнулась.

В туристических группах даже пожилые люди всегда ведут себя как школьники. Блондинка из Нью-Джерси поспешно ушла переодеться для экскурсии. Это хорошо, теперь Таня осталась за столиком вдвоем с Элизабет. Она опять посмотрела в сторону Джуди. Та по-прежнему скромно ела свои сырники. Молодец! Тихая, как мышка, – как раз то, что нужно на этой стадии операции. Впрочем, за такие деньги, которые она получит за эту операцию, любой стал бы есть эти сухие сырники и вареную колбасу. Итак, все спокойно, можно начинать действовать. Тем более что, как сказал гид, сегодня – единственный день, когда они предоставлены самим себе...

Группа афганцев встала, неловко гремя стульями, и скученно, как овцы, направилась к выходу под водительством все тех же серых костюмов. Когда они проходили мимо, все туристы смолкли. Что-то загнанно-кроличье было в темных выпуклых глазах этих будущих трактористов и комбайнеров, которыми они смотрели на своих энергичных молодых русских пастырей.

– Они выглядят как зайцы, – сказала Элизабет и тут же осеклась под резким взглядом Тани.

Тут Олег направился к буфету за новой порцией капустного салата. Джуди подняла глаза от своей тарелки и словно бы невзначай встретилась с Таниным взглядом. Таня коротко кивнула ей и тихо сказала Элизабет:

– Останься здесь, а потом пойдешь вниз и проследишь, когда они все уедут. Только после этого приедешь в номер. Ты поняла? – Она взяла со стола ключ от номера, встала и направилась

к выходу в гостиничный коридор. Элизабет, затаив дыхание, замерла за столиком, испуганно глядя на выходящую из кафе Таню и двинувшуюся следом за ней Джуди. Впрочем, и еще несколько туристов, закончив завтрак, тоже пошли к выходу...

Таня, не оборачиваясь, шла по коридору. В руке у нее был ключ с огромной тяжелой гирей в форме темного бруска с цифрами «1032». Этот номер находился не в длинном общем коридоре десятого этажа, а в коротком коридоре-аппендиксе номеров «люксов», при входе в который стоял на столике большой декорированный самовар. И здесь же, в холле напротив этого коридора-аппендикса, сидела за большим столом дежурная по этажу.

А Джуди, отстав от Тани, остановилась у лифта. Ее номер был этажом выше.

Миновав вскинувшую на нее глаза дежурную по этажу – молодящуюся крашеную шатенку с высоким перманентом, Таня вошла в свой коридор-аппендикс, отметив на ходу, что даже половая дорожка здесь другая, чем в общем коридоре, – настоящий ковер, и хорошо вычищенный. «Люксовый коридор», – усмехнулась про себя Таня, открывая свой номер «люкс». Это было единственной роскошью, в которой она не могла себе отказать – будучи княгиней и владелицей четырех первоклассных отелей во Флориде с годовым доходом в 540 тысяч долларов, она не могла себе позволить останавливаться в дешевых номерах, да еще где – в Москве! В своей Москве! Тем более что изрядно наслышалась о прелестях русского сервиса...

Войдя в номер, Таня заперла его изнутри и быстро огляделась. Ее довольно большой чемодан и скромный чемодан Элизабет стояли при входе в нише, и, кажется, никто в них не рылся. Пальто тоже на месте. Номер просторный, в гостиной на полу большой настоящий ковер, слегка вытертый, но чистый. На окнах тяжелые плюшевые шторы, а на стенах две картины-репродукции – конечно, Репин и Айвазовский. Холодильник, телевизор с какими-то гигантскими ручками из темной пластмассы, стол с креслами, диван, еще один столик – подсобный, с электрическим самоваром и какой-то инструкцией под стеклом. Справа – дверь в спальню. Таня взяла свой чемодан, подтащила его к дивану, открыла. И еще раз осмотрелась, словно кто-то мог за ней подглядывать. Впрочем, черт их знает, этих большевиков – вот что это за зеркало на стене за самоваром? На кой черт в гостиной зеркало? Или за ним спрятана фотокамера? Таня подошла к зеркалу, потянула за узкую планку деревянной рамы. Зеркало, висевшее лишь на верхнем гвозде, легко отошло от стены, Таня провела рукой по этой стене – стена как стена, но из-под зеркала выпала какая-то бумажка. Таня нагнулась, подняла ее. «Инструкция по эвакуации в случае пожара» – было написано на листке по-русски, и дальше шел текст, который Таня читать не стала. Черт возьми, если в гостинице начнется пожар, кто полезет за зеркало искать эту инструкцию по эвакуации?

Таня сунула инструкцию обратно за зеркало и вернулась к своему чемодану, открыла его и стала доставать из-под низу заранее приготовленную одежду. Темная шерстяная юбка, толстый синий свитер грубой вязки, темные шерстяные перчатки и такая же темно-коричневая грубошерстная косынка. И главное, это темно-синее пальто, из-за которого было столько хлопот в Нью-Йорке. Ее консультант – русский еврей из недавних эмигрантов, которого она нашла в Нью-Йорке, в редакции русской эмигрантской газеты, – чертыхаясь, потратил три дня на поиски одежды для нее и Джуди, но даже в самых дешевых американских магазинах не было ничего похожего на то, что носят в России простые русские. И только в «Сальвэйшен Арми» на Западной сорок девятой улице он нашел то, что искал, – темное пальто колоколом, с узким облезавшим меховым воротничком, и такую же дубовую куртку для Джуди. Тогда же он уговаривал Таню не брать с собой ее драгоценные перстни. Но один перстень был подарком умершего мужа, а два других – фамильными. «Я княгиня, я написала в анкете, что я княгиня, и они мне дали въездную визу! – отвечала ему Таня. – И я поеду в Россию как княгиня! Я буду ходить там с этими перстнями и жить в „люксе“! Как княгиня!»

Теперь, оглядев в зеркале свою фигуру, казавшуюся еще более худой в темной юбке и свитере, Таня осталась довольна. Главное: ничего броского, всем своим видом слиться с про-

стыми русскими и ничем не выдать, что ты иностранка. И уж конечно, нигде, ни при каких условиях не снимать сегодня с рук перчатки, не показывать перстни. Черт возьми, она совершенно забыла, как повязывать косынку! Когда-то ее нянька делала это в один миг! Ладно, пока набросим косынку на плечи. Таня взглянула на часы: где же Элизабет? Ведь она не может выйти из номера, пока не придет Элизабет и не скажет, что автобус с этим толстощекиным гидом уехал в Третьяковскую галерею. Но если Джуди уже выскользнула из гостиницы? Ей – молодой и неприметной мышке, студентке славянского отделения Нью-Йоркского университета – сделать это куда легче и проще, чем Тане, которая только что сказала гиду, что она себя плохо чувствует. Надо думать, Джуди не сделает глупости и не сядет в первое попавшееся такси. Тот же эмигрант-консультант учил их никогда не брать такси у входа в гостиницу, а уйти от гостиницы, якобы гуляя, на пару кварталов в сторону и ловить такси там. «Таксишники возле интуристовских гостиниц чаще всего работают либо на КГБ, либо на проститутток, а вам не нужно ни то ни другое, – говорил этот эмигрант. – Отойдите подальше, поднимите в руке пачку „Мальборо“, и любая машина ваша...»

Закурив и нетерпеливо пройдясь по номеру от стены до стены, Таня остановилась перед подсобным столиком с самоваром, где под стеклом лежал большой серый лист бумаги. В черной рамке был русский текст:

**УВАЖАЕМЫЕ ГОСТИ!
ПРЕДЛАГАЕМ ВАМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПЛАТНЫЕ УСЛУГИ!**

Затем шел пронумерованный список дополнительных платных услуг, которые можно получить в гостинице «Россия». Таких услуг было ровно тридцать пять, в том числе: аренда дополнительного хлопчатобумажного полотенца – 10 копеек в сутки, аренда банного махрового полотенца – 15 копеек в сутки, аренда утюга – 5 копеек за разовое пользование, аренда дополнительной простыни – 20 копеек, дополнительной подушки – 20 копеек. И так далее. Даже пользование обувной щеткой, оказывается, стоит тут дополнительных 5 копеек. Таня усмехнулась. Большевики-коммерсанты! Если она введет такие порядки в своих отелях во Флориде, вся ее клиентура, собранная за сорок лет, разбежится в течение недели.

Но где же Элизабет? Таня нервно включила телевизор. Он зашипел с каким-то сухим электрическим треском, и Таня тут же вспомнила: в газетах писали, что в СССР включенные телевизоры часто взрываются. На всякий случай она отошла в сторону. Но телевизор не взорвался, на экране появилось черно-белое изображение – одетые в кавказские национальные костюмы черноусые мужчины яростно танцевали лезгинку под оглушающие удары бубна. Таня осторожно приблизилась к телевизору, с усилием повернула большую черную пластмассовую ручку. Неистовые танцоры исчезли, но остальные каналы были пусты... Нет, вот еще один. Ну да, ведь в Москве два телеканала и третий – вечерний, учебный, так гид рассказывал в автобусе. Теперь на экране возник мужчина в меховой шапке. Он стоял на фоне какого-то заснеженного сельского строения, смотрел куда-то в сторону и говорил деревянным голосом:

– ...Мы возим скот на забойный пункт за сто сорок километров. В такой длинной дороге на каждом бычке теряем по несколько килограммов. Потери продолжаются и на предзабойном дворе комбината, потому что скот там у нас порой не принимают по несколько дней и скот без кормов теряет в весе. А перестройка и бригадный подряд позволяют изменить отношения с мясокомбинатом и по-новому бороться за...

С трудом понимая, о чем так дубово-монотонно говорит советский мясопроизводитель, сиротливо стоящий на фоне снежной пустыни и одинокого заснеженного барака-фермы, Таня вдруг прониклась ощущением дерюжной тоскливости этого пейзажа. Серое небо, серый снег, серый барак, серые будни очередной скучной «борьбы» за кусок мяса в стране, которая когда-то экспортировала и хлеб, и масло, и сыр, и мясо... А повернешь рычажок – грузины пляшут лезгинку.

Господи, где же Элизабет?! Прошло уже не меньше получаса, как Таня вышла из кафе, а Элизабет все нет! Холодея от этого серого пейзажа по телевизору и от страха – Боже мой, неужели все сорвалось, но почему, почему? – Таня опять нервно забегала по номеру...

Когда началась первая мировая война, Тане было десять лет. У них был большой особняк в Москве на Патриарших прудах, еще один особняк в Петербурге на Фонтанке, родовые княжеские поместья в Курской, Смоленской и Пензенской губерниях и две дачи на Черном море, в Ливадии. Там же, в Ливадии, княжескому роду Одалевских еще императором Александром были пожалованы какие-то гигантские земли, которые отец сдавал в аренду немцу – виноделу и виноторговцу. А сам занимался политикой, какими-то либеральными проектами в правительстве Столыпина и застольными дебатами в ресторане Английского клуба о путях технического обновления российской промышленности. Поэтому в их московском и петербургском домах всегда было полно народу – друзья отца, друзья старшего, семнадцатилетнего, брата Пети, мамы подруги и, конечно, прислуга, гувернантки младших Таниных сестер – Ани и Кати. Часто устраивались детские праздники, разыгрывали спектакли, играли в шарады или всей компанией выезжали кататься на тройках в Марьину рощу.

Но после первых же месяцев войны гостей в доме стало куда меньше. Изредка, конечно, кто-то появлялся, но было уже не так шумно и весело. За обедом взрослые при детях раздраженно говорили о неудачах на фронте, о дороговизне, о глупости правительства, коррупции и воровстве в министерствах, о Распутине. Прислуги становилось все меньше, а та, которая оставалась, начала грубить и выполнять свои обязанности кое-как. Мама сердилась, краснела от необходимости делать им замечания и уходила в свою спальню «остыть душой». Но однажды ночью Таня проснулась оттого, что кто-то кричал в гостиной. Девочка различила голос иступленно рыдающей матери. Она никогда раньше не слышала, чтобы мама повышала голос, и теперь прямо в ночной рубашке помчалась вниз.

В гостиной, тускло освещенной лишь двумя подсвечниками, на диване сидела растрепанная Дарья Андреевна и раскачивалась в такт своим рыданиям. Рядом, в форме полковника, сидел дядя Николай, мамин брат и ответственный секретарь Военного министерства. Отец Тани, высокий, полный, в темном шелковом халате, растерянно ходил по комнате. Таня, дрожа от испуга, бросилась к матери:

– Мамочка! Почему ты плачешь?

– Таня! – Дарья Андреевна порывисто обхватила дочку и крепко прижала к себе. Тане было больно, страшно, и она заплакала.

– Даша! Что ты делаешь?! Ты напугала ребенка! Возьми себя в руки! – подошел к ним отец. – Ничего страшного не произошло! Ну, он убежал на фронт. Это не значит, что его убили.

При этих словах Дарья Андреевна еще крепче прижала Таню к себе и громко застонала.

– Даша, дорогая, ты действительно пугаешь девочку. – Дядя Николай склонился к маме и стал осторожно освобождать Таню. – Мы с князем употребим все наши связи и найдем Петю. Я тебе обещаю, что через несколько дней он снова будет дома!

Но Петю нашли не через несколько дней, а только через три месяца. Домой в Москву его привезли осунувшимся и смертельно обиженным. Первые Петины слова при встрече были:

– Я все равно уйду на фронт! Как только мне исполнится восемнадцать лет!

Дарья Андреевна заплакала, протянула руки, чтобы обнять сына. Но Петя отшатнулся и ушел в свою комнату. Мама повернула к отцу покрасневшее лицо и сухо сказала:

– Как видите, он вернулся ненадолго. Мы должны немедленно собираться за границу.

Через месяц настояниями жены, но без всякой охоты Степан Степанович уехал в Париж, чтобы подготовить переезд семьи.

Во Франции ему удалось купить хороший дом в двадцати километрах от Парижа, нанять управляющего, перевести большую часть своего капитала в швейцарский банк и устроить все дела наилучшим образом. Домой он вернулся через три с половиной месяца оживленным и

веселым. Разве мог тогда кто-нибудь предположить, что никому из семьи не придется воспользоваться этими приготовлениями! Никому, кроме Тани.

Пришла весна, а затем лето и снова зима. В доме перестали говорить о переезде за границу. Петя вырос и возмужал. Успокоенные родители с радостью следили за его успехами в университете, куда он был зачислен осенью на первый курс. Петя всерьез увлекся изучением медицины и со смехом вспоминал свой побег на фронт.

И тут появилась Лена. Лена, которая изменила его жизнь. Петя влюбился. Но не так, как обычно влюбляются восемнадцатилетние мальчики – восторженно и радостно. Нет, это была мрачная ревнивая страсть, которая сжигала его всего. Он похудел, оцетинился, смотрел на всех исподлобья.

Лена была на три года старше Пети, курила тоненькие длинные папиросы и принадлежала к какому-то тайному революционному кружку. Она часто исчезала, потом появлялась снова, была насмешлива, игрива и снова исчезала.

Петя сходил с ума. Он воображал Лену с любовниками, тосковал, иногда даже плакал, что было заметно по его красным глазам. Занятия в университете перестали его интересовать, а с революционным переворотом он и совсем их забросил: студентов распустили на неопределенное время.

Февральская революция 17-го года, отречение царя от престола и создание Временного правительства были встречены Степаном Степановичем Одалевским восторженно. Он был либерал и не мог не приветствовать демократические перемены в своем Отечестве. Но очень скоро пришел Октябрь, и новое большевистское правительство стало всерьез пугать князя.

Царя, царицу, их детей и слуг расстреляли на Урале, и круг арестованных и расстрелянных вокруг Степана Степановича и его семьи постепенно сужался. Уже несколько раз к ним врываются с обысками, после которых папа стеснялся смотреть в глаза домашним. И ничто бы не помогло князю Одалевскому избежать ареста: ни его сочувствие революционерам, ни вынужденное унижительное затворничество в собственном доме с наглухо зашторенными окнами, если бы не давние приятельские отношения с Тимофеем Разумихиным. Из разговоров взрослых Таня поняла, что в свое время, будучи студентом Московского университета, молодой князь спас Тимофея от каторги. Что там произошло, отец никогда не рассказывал. Но почти всемогущий в то время, чуть ли не правая рука не то Бухарина, не то самого Троцкого (Таня уже не помнила точно), Тимофей Разумихин помог семье князя не только избежать ареста, но и оформить документы для выезда за границу.

Все складывалось удачно. Заграничные паспорта были получены, управляющий из Парижа писал, что все готово к их приезду и находится в образцовом порядке. По словам отца, денег, переведенных в 1916 году, должно было хватить надолго. Выезжать могли почти налегке.

Вот только Петя: согласится ли он на отъезд? Мама твердо заявила, что, если он остается, они не тронутся с места. Петя не говорил ни да, ни нет. За завтраком, обедом или ужином, всякий раз, когда все садились за стол, Дарья Андреевна разными путями намекала, что жизнь отца и, конечно же, ее и сестер в Петиних руках. Но все понимали, что дело не в Пете, а в его отношениях с Леной, которая не появлялась в их доме уже больше месяца.

За последние полгода Петя, похоже, стал уставать. Его вымотали эти короткие встречи и частые, без предупреждения, Ленины исчезновения. Потеряли остроту перепады от ликующей наполненности ее присутствием к долгим ночам без сна, мучительным из-за ревности и неразделенной любви.

И Петя сдался. Однажды утром он вышел из своей комнаты, как обычно, с красными глазами. Глядя куда-то поверх голов, он невпопад, срывающимся от обиды голосом громко крикнул:

– Уедем! Как можно быстрее! Если все готово, я могу хоть завтра!

После этого в доме все завертелось. И 29 января рокового для семьи 1919 года они погрузили свои вещи на извозчика и поехали к поезду, уходящему в Париж.

На вокзале творилось что-то невообразимое. Казалось, вся Москва собралась в эмиграцию. В суете Таня с сестрами жалась к матери, а Петя мрачно держался особняком, напряженно вглядываясь в снующую толпу. В толпе мелькали знакомые и полужнакомые лица бывших профессоров Московского университета, бывших князей, графов, знаменитых и полужнаменитых артистов...

Наконец подали поезд. Толпа озверела. Люди оставляли налаженную привычную жизнь, родных и близких, и никто не знал, сможет ли вернуться когда-нибудь назад. Но оказалось, что все это не важно, все это меркнет в сравнении с ценностью их деревянных чемоданов, набитых барахлом, уродливо раздутых баулов и узлов. Драгоценную ношу несли на плечах, тащили волоком, прижимали к груди, как малых детей. Даже бывшие князья и княгини, профессора и профессорши сами тащили, волокли и сгибались под тяжестью тюков, ящиков, сундуков. То несла человека извечная сила – выжить! Согнутый, сгорбленный, почти ползущий, он не останавливался ни перед чем – ни перед падающими женщинами, ни при виде плачущих потерявшихся детей, ни перед стариками, еле передвигавшими ноги...

Растерянный, покрасневший князь впервые в жизни грубо кричал на жену:

– Дарья, держи этот баул! Ты что, ослепла – сумку забыла! Петя, проверь, мы все взяли?! Аня, Таня, тащите вдвоем этот чемодан! Всем садиться в поезд!

До крови ободрав руки жесткой веревкой, которой был обвязан тяжелый чемодан, девочки с трудом поднялись в вагон. Все места были заняты вещами и людьми. Впереди они увидели Петю. Он зло сбрасывал с полки чьи-то вещи.

У окна сидел маленький мужчина с каменным лицом. Вдруг он подскочил и, выставив вперед круглый живот, закричал фальцетом:

– Я герой войны! Не имеешь права, щенок!

– Я князь и тоже был на фронте, – ответил побледневший Петя.

– Все мы теперь князья... Бывшие... – сказали сбоку.

Бледный и ожесточившийся Петя продолжал расчищать полку от вещей. Мама с дрожащей одиннадцатилетней Катей села на освободившееся место. До отхода поезда оставалось минут пятнадцать. Вдруг из конца коридора кто-то громко позвал:

– Петя! Петя!

Возившийся с вещами брат резко выпрямился.

– Лена?... – чуть слышно пробормотал он и рванулся в конец коридора.

Мама побледнела, беспомощно посмотрела на отца. Князь сделал резкое движение в сторону сына.

– Петя! Поезд отходит через несколько минут...

Но Петя уже ничего не слышал.

– Ничего страшного, Дашенька, – неуверенно сказал папа. – Он только простится с нею...

Несколько минут просидели молча. Мама невидящими глазами смотрела в окно, крепко прижимая к себе уставшую, засыпающую Катю.

В вагоне стало тихо. Все устроились на своих местах и ждали отправления поезда.

– Я не могу! Я не могу просто так сидеть! – не выдержала Дарья Андреевна. – Степа, пойди, позови его! Сейчас поезд тронется! Он опоздает!

– Мама! Папа! – неожиданно появился Петя. Глаза его были безумны. – Я не могу с вами ехать! Сейчас не могу! Я приеду позже! Мы приедем! Вместе с Леной!

Он задыхался и с трудом произносил слова.

– Не-е-е-ет! – вдруг по-бабьи заголосила мама. – Нет! Нет!

Она всем телом повисла на сыне.

– Петенька! Прошу тебя! Сыночек! Не оставляй нас! Петенька!

– Мамочка! – Казалось, что Петя тоже плачет, но по другой причине. – Мамочка, дорогая, она сказала, что любит меня! Никогда этого не говорила, а сейчас сказала! Она любит меня! Мама, понимаете?!

Поезд медленно тронулся с места.

– Мама, прощайте! Вернее, до свидания! – Петя рванулся от матери к выходу. – Я клянусь вам, что скоро приеду!

Князь схватил сына за рукав:

– Ты никуда не пойдешь! Ты поедешь с нами!

– Вы с ума сошли! – Петя с силой толкнул отца, и тот упал к кому-то на колени.

Поднялся крик. Сестры заплакали. Поезд стал набирать ход. Петя побежал к выходу и выпрыгнул из вагона.

Дарья Андреевна упала без чувств на пол. Все столпились вокруг нее, пытаясь переложить ее на сиденье. И никто не знал тогда, что эта Лена своим появлением спасла Петю от жуткой участи всех мужчин этого поезда – князей, графов, профессоров...

В дверь негромко постучали. Таня вздрогнула от неожиданности, словно выныривая из прошлого.

– Кто там?

– Миссис Гур! Это я, Олег Петров. Ваш гид.

Таня остолбенело молчала.

«Все пропало! – подумала она. – Уже пришли за мной!» На секунду перед ней возникла та ужасная картина, которую уже более полувека она гнала от себя: поезд... расстрел мужчин... и под железнодорожным откосом мама, ее тихая мама кричит нечеловеческим криком, а двое грязных, заросших солдат с красными бантами в петлицах срывают с нее платье...

– Миссис Гур, ваша подруга сказала, что вы неважно себя чувствуете. Я решил проверить, все ли в порядке. Может быть, вам нужен врач? У нас замечательные врачи!

– Я... – Таня пыталась слотнуть ком, мешавший говорить. – Нет, не надо. Врач не нужен.

– Вам плохо? – заволновался за дверью Олег. – Я сейчас пришлю врача!

– Нет! – Справившись с накатившей волной страха, Таня подошла к двери и бодро заговорила: – Мне не нужен врач. Спасибо. Я, извините, Олег, не могу вас впустить: не одета! Вы уж простите старуху...

– Да, я понимаю, – не очень уверенно сказал он. – Не забудьте, что вечером идем в театр. Надеюсь, вам станет легче!

– Конечно, обязательно. Спасибо за беспокойство. Счастливой прогулки.

В изнеможении Таня сняла пальто и пошла в ванную освежиться холодной водой. Но едва она плеснула на лицо первую пригоршню воды, как раздался телефонный звонок. Забыв выключить воду, Таня рванулась в комнату и, думая, что это звонит Элизабет, схватила трубку:

– Алло?

– Хэлло, Франк? – прозвучал низкий женский голос. – Хау ар ю?

Ударение было поставлено на последнем слове, а в слове «ар» было тяжелое русское «р-р». – Ноу, ай эм нот Франк! – в сердцах сказала Таня по-английски. – Энд ю шуд сэй: «Хау ар ю» инстад оф «Хау ар 'ю».

– Чаго? Чаго? – непонимающе сказал голос по-русски.

– Короче, здесь нет никакого Франка! – на чистом русском ответила Таня и уже хотела положить трубку, но голос сказал:

– Во дает! На чистом русском шпарит! Слушай, ты каких предпочитаешь – блондинок или брюнеток?

Таня изумленно открыла рот, потом сказала:

– А разве... разве я звучу как мужчина?

– А какая разница? – без всякого смущения ответил голос. – Или ты только «стрэйт»¹¹? Так я тебе парня пришлю. Тебе сколько лет?

– Восемьдесят три, – сказала Таня и спросила тоже на ты: – А тебе?

Гудки отбоя были ей ответом.

Таня удивленно постояла над телефоном и ушла в ванную. Через некоторое время пришла Элизабет.

– Уехали! – Она восторженно сверкала очками. – Сама видела. А почему у тебя лицо красное? Ты плохо себя чувствуешь?

– Нормально. Это пройдет. – Таня приставила палец к губам и показала на приготовленный заранее блокнот. Взяв ручку, торопливо написала: «Джуди уже ушла? Ты видела?»

«Да», – написала ниже Элизабет.

Во всех книгах о советской России написано, что КГБ прослушивает номера иностранцев. Таня на этот счет специально консультировалась у того же своего знакомого русского эмигранта.

Тот сказал, что прослушивать все разговоры иностранных туристов КГБ физически не в состоянии, но тем не менее ВСЕ номера интуристовских гостиниц в Москве оборудованы скрытыми микрофонами – на случай, если надобность в подслушивании возникнет. Поэтому лучше соблюдать меры предосторожности. И теперь, чувствуя себя чуть ли не персонажем шпионского фильма из серии «Мишн импоссибл», Таня лихорадочно писала в блокноте: «Спускайся вниз. Если за мной кто-то пойдет, ты...»

Элизабет отняла у нее ручку, не дав дописать.

«Знаю! Все знаю!» – обиженно написала она, вырвала исписанную страницу блокнота, порвала ее и, пройдя в ванную, спустила в унитаз.

– Я пойду пройду, – громко, для скрытого микрофона, сказала Таня и торопливо набросила пальто. – Что-то голова разболелась. Ты не хочешь со мной, дорогая?

Элизабет, выйдя из ванной, удивленно посмотрела на нее, но, сообразив, что Таня говорила в расчете на уши КГБ, ответила громко, как в театре:

– Нет, спасибо! Я лучше полежу!

Таня недовольно поморщилась и пошла к выходу.

– Подожди! – вдруг тихо попросила Элизабет. Она подошла к ней и протянула руки для объятия.

В другой момент Таня рассмеялась бы или сказала какую-нибудь колкость, но сейчас она благодарно обняла подругу и на миг застыла. Действительно, кто знает, как все обернется?..

Элизабет судорожно прижалась к ней и стала мелко вздрагивать всем телом. «Так, началось! Плачет!» – неприятно подумала Таня. – Зачем я только...»

– Элизабет, прекрати немедленно! – Таня резко отстранилась от нее и, не оборачиваясь, вышла из номера.

¹¹ Без отклонений (англ.).

4

До общежития было три остановки автобусом. Но ждать автобуса не имело смысла: сейчас, в двенадцать часов дня, когда середина рабочей смены, можно простоять на остановке час, а то и больше. Алексей сунул голые руки поглубже в карманы ватника, пригнул голову и поддал ходу. Холодный ветер резал лицо, прорывался сквозь обманчивую пухлость ватника, ледяными иглами царапал тело. Ноги в стоптанных сапогах сразу замерзли. У продмага стояла короткая очередь за яйцами. Яйца давали с утра, и, когда Алексей бежал утром на работу, тут был огромный хвост – человек, наверное, триста. Но теперь, к полудню, похоже, уже все Мытищи отоварились яйцами, у магазина осталось всего человек двадцать. Главная забота людей – как в такой гололед дотащить эти яйца домой. Вот и сейчас, осторожно, как канатоходец в цирке, навстречу Алексею шла по обледеневшему тротуару какая-то женщина, неся на вытянутых руках квадратную пупырчатую коробку с вставленными в углубления картона белыми куриными яйцами. «Грохнет сейчас», – на ходу подумал Алексей, но в этот момент сам чуть не грохнулся, поскользнувшись на разбитых яйцах, замерзших у крыльца магазина.

Выругавшись матерно, Алексей миновал продмаг и пошел-побежал через пустырь, чтобы срезать дорогу. Но тут же и пожалел об этом. Общага вроде недалеко – вон, за железнодорожными путями стоит четырехэтажное кирпичное здание, но этот ледяной ветер пробирает, как голого, колени немеют.

«Скорее, скорее! – стучало у Алексея в голове. – Не свалиться бы здесь!..»

Выставив левое плечо вперед, он прикрыл голову и ухо ватником и, согнувшись, почти побежал. Ему вдруг вспомнилось: он и Колька Гурьянов, тот самый Коля-Николай, которому обе ноги оторвало, как они по очереди тащили на себе Юрку Шалыгина из его первого «блока» в Чагарском ущелье. Никто их не обстрелял в ту ночь, и они никого, а просто Юрка подвернул ногу, потому что эта сраная хозчасть выдала ему, оказывается, ботинки не по размеру. Про кеды, в которых только и можно по горам ходить, никто и не мечтал, но хотя бы ботинки по размеру! И снова всплыли лица тех двух гэбешников, оставшихся в теплом кабинете парторга. «Вот суки! Для того я его в Афгане на спине тащил, чтобы тут, в России, вам за грош продать? Гниды гэбешные!» – злобно матерился он вслух, чувствуя, что руки и ноги уже задубели от мороза. А тут, когда он почти выбрался на железнодорожную насыпь, как назло – электричка, переждидай ее!.. Но наконец, с трудом открыв тяжелую входную дверь, Алексей ввалился в теплое общежитие. Прислонившись к стене, остановился, чтобы оттаять. Дежурный на проходной Егор Иванович, ворчливый лысый старик, вечно читающий газету «Московский комсомолец», подозрительно уставился на него поверх очков:

– Ты чего? Почему не на заводе? Уже набрался?

– Отпустили меня, Иваныч! Ну, чего вылупился? Не веришь – позвони в партком Гущину. – Алексей громко протопал мимо него сапогами. Конечно, зря он так с Иванычем! Очень часто эти дежурные становятся главными людьми, когда нужно на ночь бабу оставить или перед получкой трояк перехватить. А у Иваныча можно и больше стрельнуть, особенно если под проценты... Но теперь Алексею было все равно. Главное, поскорее добраться до комнаты.

Задыхаясь и еле волоча еще бесчувственные замерзшие ноги, проклиная все на свете, он наконец поднялся на четвертый этаж. Похоже, после ранения позвоночника он действительно стал развалиной: на четвертый этаж поднялся, а уже задыхается! Не калека вроде, но и не человек, которому только двадцать два года исполнилось.

Алексей ключом открыл дверь в комнату с табличкой «47» и, не раздеваясь, бросился к своей тумбочке. На нижней полке, среди наваленного комом белья, у него была припрятана

чекушка водки. С тех пор как запретили продавать водку до двух часов дня, Алексей заранее покупал чекушку и прятал ее на всякий пожарный случай. Сегодня как раз такой случай и был!

Он вывалил белье из тумбочки на пол, нашел бутылку и с жадностью сорвал алюминиевую шляпку-пробку. На секунду его удивило, что водка закрыта неплотно, пробка слетела почти сама. Но задумываться было некогда, и он спешно приложил горлышко к губам.

Сделав несколько торопливых глотков, Алексей оторвал бутылку ото рта и с криком швырнул ее об стену:

– Суки!

В бутылке вместо водки была вода! Кто-то из соседей по комнате выпил его водку!

Алексей в бессилии ударил по тумбочке ногой. Ближайший винный магазин откроется через полтора часа!

Алексей подошел к своей кровати, рывком перевернул матрац. Нашупав зашитый пакет, он опустил на колени и стал зубами отрывать нитки матраца.

Через пару минут у него в руках был целлофановый пакетик с белым порошком внутри. Смахнув с верха тумбочки все на пол, Алексей постелил вырванную из журнала страницу, осторожно развернул целлофан, отсыпал щепотку порошка на лист, двумя пальцами поднес крошку пыли к носу и глубоко вдохнул. Несколько секунд он не дышал. Затем повторил все сначала. Почувствовав, как кровь слегка ударила в голову, он для верности еще раз вдохнул порошок через нос.

В ожидании ощущения, которое не испытывал уже давно, Алексей прямо в сапогах и ватнике лег на перевернутый матрац.

«Пошли вы все!.. – думал он, успокаиваясь. – Да, я дал себе слово не нюхать больше кокаин! Так ведь кто знал, что эти суки появятся в моей жизни! Что они могут мне сделать? Посадить? Расстрелять? Ха-ха! Да я сам их посажу! Гниды вонючие! Я вам еще покажу, что такое Леха Одалевский! А Юрка гениально замастырил им эту „Правду“. Одну только промашку дал ты, браток, – названием своего поселка свою статью подписал! Соблазнился. Вот они тебя и вычислили, суки! Но ты не дрейфи, Юрка, Одалевский тебя не предаст. Не на того они, падлы, напали!..»

Алексей счастливо закрыл глаза, с наслаждением ощущая действие наркотика. Голова прояснилась, ноги перестали болеть, все тело сделалось невесомым. Он снова чувствовал себя здоровым и крепким, как до ранения.

...То был самый лучший месяц в его жизни. В апреле дни стояли теплые, тихие. В безжизненных и высушенных за зиму долинах афганских гор вдруг зацвели, вспыхнули нежным алым огнем целые поля мака. В кишлаках, расположенных в зоне, контролируемой Советской Армией, начинался период каких-то весенних мусульманских праздников. По праздникам духи не воюют, молятся своему Аллаху, и это было хорошее время – отдых и для них, и для советских частей. В кишлаках дети бегали умытые и даже пахло жареным мясом... Они с Юркой под любым предлогом уходили в Тапбил – то якобы учить детей русскому языку, то помочь старикам освоить праздничный подарок советского командования – трактор «Беларусь», который в первый же день пахоты опрокинулся на горном склоне. Но и у Юрки, и у Алексея были свои причины рваться в это село с тощими длиннородыми стариками и женщинами, всегда одетыми в черное и скрывающими свои лица.

Юрка свою причину скрывал, но теперь-то ясно, что он, наверно, уже тогда пытался как-то связаться с моджахедами. А может, и связался. Может, когда он во время той засады побежал к афганцам сдаваться, они его уже ждали и потому не стреляли в него... А его, Алексея, ждала Улима, и он спешил к ней со всех ног. В их солдатском ларьке в части не было ничего, кроме «Асидола» – пасты для натирания пуговиц на мундире, кислых югославских конфет и банок со гущенным молоком. Если кто-то думает, что за свой «интернациональный подвиг»

в Афганистане советский солдат получает шоколад и апельсины – хера! Ни овощей, ни фруктов – даже за свои деньги. В госпиталях яблоки и огурцы – редкий праздник. Иногда родина присылает самолет картошки или огурцов, открывают ящики, а в них – гниль. Пища солдата – «шрапнель»: гороховая, овсяная или пшенная каша. «В здоровом теле – здоровый дух!» Алексей бросал в вещмешок три-четыре банки сгущенки, пакетик липких югославских конфет и спешил к Улиме, ей нравилась югославская кислятина. Конечно, Юрка шел рядом с ним, куда же без Юрки? Оставляя Алексея на краю кишлака, возле лачуги Улимы, Юрка понимающе улыбался, обещал прикрыть в случае чего. Алексей никогда всерьез не прислушивался к тихим ругательствам своего друга в адрес командования, затянувшейся войны, «хозяев в Кремле». Несколько раз Юрка в сердцах шипел, что лучше бежать в Пакистан, чем чувствовать себя мясником, убивать безоружных детей и стариков. «Мы – фашисты! Фашисты!» – как в забытьи, шептал он, когда поблизости никого не было. Впрочем, такое случалось нечасто. Они жили в палатках повзводно, семь человек под одним тентом. Вокруг было кольцо минных полей, а внутри кольца – их палатки, парк боевой техники, и в центре, или, как они говорили, «в ядре» – штаб, столовая и домики-«модули» – жилье офицеров. Офицеры пили почти в открытую, пьяными палили в воздух из ракетниц – устраивали «салют». Солдатам водку взять было негде, перешли на гашиш. Ради него сами набивались помогать афганским «колхозникам» – учили их пахать тракторами жесткую красную афганскую землю, мастерить парты в школе. Все – ради надежды выменять или купить гашиш. В этой обстановке постоянного ожидания атаки духов из «зеленки», ночных обстрелов и взрыва мины при каждом шаге большинство солдат и офицеров воспринимали каждую боевую операцию как разрядку. Во время рейдов, атак, нападений на территории, которые контролировали «басмачи»-партизаны, можно было пограбить, отомстить за смерть убитого в прошлом бою друга и заработать очередную боевую медаль или орден, чтобы дембельнуться домой с побрякушками на кителе. А кое-кто – например, Серега Сухарь – совмещал и то, и другое, и третье. При этом Серега не просто грабил все, что под руку попадет, как многие – шмотье, часы, транзисторы, авторучки, – нет! Серега первым делом хватал в разрушенных домах и мечетях Коран. А если не находил, автоматом заставлял пленных афганских женщин принести ему спрятанную «святую книгу». Наставит «калашникова» на детей и орет их матери или бабке, чтоб тащили ему Коран. Только недавно Алеха узнал, что с помощью этих Коранов Сухарь стал в Душанбе богатым человеком – оказывается, в наших среднеазиатских мусульманских республиках Коран уже семьдесят лет как не печатают, и потому там на черном рынке каждую такую «святую книгу» по три тысячи рублей за штуку отрывают и еще спасибо говорят. Аллахом благословляют. А Сухарь, может, три сотни Коранов грабанул в Афганистане...

Но Алексею там было не до «бизнеса» и не до «переживаний совести» своего дружка Юрки Шалыгина. Все, что удавалось стащить в части, он нес теперь к Улиме. Она встречала его в одной и той же позе: сидя на подстилке в углу, поджав под себя босые ноги. Очень скоро он выяснил, что Улима живет одна. Родителей убило советской бомбой еще в начале войны, когда ей было девять лет. В той же бомбежке погибли и три ее младших брата. Девочку взяла к себе тетка, сестра матери, но и та вскоре подорвалась на mine. Мина была не советская, а партизанская, противотанковая, – Улиму это очень возмущало. Как будто тетке не все равно...

Когда удавалось достать водку или вино (выменять у поваров или санитаров за гашиш), Алексей тоже нес спиртное к Улиме. Но она никогда не пила, предпочитая гашиш, который обменивала на приносимую Алексеем мужскую одежду. Это среди афганцев считалось роскошью, и они хорошо платили за рубашки, майки, носки. И особенно – за сапоги.

Алексей догадывался, что одежда переправляется «басмачам»-моджахедам, но его это мало беспокоило. Улима никогда не заводила разговор о том, чтобы он в обмен на гашиш принес оружие или патроны – на это у нее ума хватало, а остальное его не касалось. Лишь одно не понимал – почему она не боялась быть с ним, русским?

Однажды он пришел к Улиме, но не застал ее на месте. Растерянно он оглядел пустой дом, постоял, прислонившись к холодной глиняной стене, и, отпив принесенной водки, лег на подстилке. Уснул он мгновенно и проспал, как ему показалось, всего полчаса. Проснулся он оттого, что кто-то в комнате тихо всхлипывал. Было темно, и Алексей ничего не мог разглядеть.

– Улима? – позвал он. – Это ты?

В комнате стало тихо.

Алексей поднялся на ноги и подошел к порогу, где, сгорбившись, сидела темная, плохо различимая фигура.

– Улима! – Он наклонился и осторожно прикоснулся к ее жестким волосам. – Ты чего?

Улима начала громко плакать, раскачиваясь из стороны в сторону и зло выкрикивая гор- танные афганские слова. Алексей сел рядом, обнял ее за плечи.

– Водка... есть? – вдруг спросила она по-русски, резко отшатнувшись от него.

– Да, там... – Он кивнул внутрь хибары. – Зажечь лампу?

– Нет. Я все вижу...

Алексей услышал, как она взяла бутылку и стала пить из горлышка. Ожегшись, закашля- лась, ругнулась по-афгански и снова сделала глоток. На несколько секунд затихла, затем легла на подстилку. Через некоторое время он увидел вспышку от зажженной спички и услышал глубокую, со стоном, затяжку сигаретой.

Алексей сидел на пороге и не мог сообразить, что делать. Подойти к ней и попытаться все-таки узнать, в чем дело, или подождать, пока успокоится и сама позовет?

«Черт ее знает, что случилось! Может, из родных кого-то убило, а может, ее в деревне прокляли за то, что с русским солдатом спуталась? Они же фанаты, эти афганцы! – И вдруг новая догадка мелькнула в уме: – А может, наши к ней пристают? Эти кобели-офицеры! Им только покажи молоденькую афганочку! Но если наши ее тронули – убью гада! Из АКМ при- кончу!»

И вдруг впервые за этот самый короткий и самый счастливый в его жизни месяц их сви- дания он с удивлением подумал, что любит ее. Любит так, что, если действительно кто-то ее обидел, он готов на все: застрелить, зарезать, пойти под трибунал!

– Альеша, – вдруг тихо начала Улима, трогательно смягчая его имя. – Я сегодня счаст- ливый! Очень счастливый!

Она замолчала.

«Вот, походи разбери этих баб! Когда горе – ревут и когда счастье – ревут!» – с облегче- нием подумал Алексей.

– А что же ты реवेशь?

Улима молчала. Алексей подошел к ней, опустил на подстилку, ошупью нашел ее лицо и погладил по мокрой щеке. Сделанное им открытие – то, что он любит ее, умиляло его самого, и он подумал, что должен ей сказать об этом.

– У меня, Альеша, сегодня день рождения сына! – тихо сказала Улима.

– Сына?!

Ему показалось, что он ослышался или она не то слово сказала. Она часто путала русские слова и, например, вместо «мало» могла сказать «много».

– Ты сказала – сына? – недоверчиво переспросил он.

– Да, сына. Ему сегодня два... два лет!

– Два года, – машинально поправил Алексей. – А где он?

– Не знаю.

В комнате было темно. Сигарета с крошечным, едва различимым светящимся концом, казалась, сама плавала в воздухе.

Алексей глубоко затянулся. Ему показались смешными его недавние мысли о любви к ней. Чужая она, скрытная. Сколько он ходит к ней, а она ни разу даже словом не обмолвилась

о сыне! И когда же это она успела? Ведь ей только пятнадцать! Одно на уме – на подстилку, сигарету в зубы и платье долой!

От воспоминания о ее черных жестких сосках он заерзал на месте. Захотелось схватить ее, бросить навзничь, зубами впиться в маленькую детскую грудь, снова услышать ее хриплый, почти звериный стон...

– Я тебя, Альеша, давно смотрела... и твоего рыжего друга, – вдруг, тихо засмеявшись, сказала Улима. – Твой рыжий на меня кричал. Он хотел траву. Банку с мясом давал. А я сухие листья дала. Пошутить хотела. Помнишь? – Она снова хихикнула.

Алексей старался вспомнить, когда он первый раз увидел ее. Но на ум приходила только та сцена, когда Улима одним движением сбросила кофточку и, обнажив на миг спину, надела его майку. Нет, он не помнил, чтобы они с Юркой приходили к ней. Врет, поди! Все врет!

– А я вас еще раньше смотрела. Вы всегда рядом... вместе. – Улима помолчала. – Альеша, а когда ты домой поедешь?

– Надоел? Сейчас отвалю! – грубо бросил Алексей.

– Нет. Домой, в Россию...

– Домой?.. – удивился он. Вот уж месяц, как ему и в голову не приходило, что он скоро дембельнется. А куда? Кто его там ждет? Нет у него там дома. И здесь нет. Алексею вдруг сделалось тоскливо. Ее дом стал для него родным. Она и ее хибара. Может, ему на сверхсрочную остаться? Но у нее сын, оказывается! – Не знаю, – сказал он.

– А я знаю. Скоро... – Улима приникла к нему всем телом, но не так, как всегда, чуть вздрагивая от желания, а расслабленно и жалко.

– Улима, а где твой сын?

– Я не знаю. – Она по-прежнему прижималась к нему. – Его забрали через полгода.

– Полгода после чего?

– После, как я родила. Сначала Аллах Васю позвал. Потом пришел русский начальник с солдатами и женщина. Агитатор. Не шурави, а мусульман – из Ташкента, на афгани хорошо говорит. Видит, мой сын белый волосы растет, как у Васи. Забрала сын. Говорит: все равно ваши убьют сын за белый волосы. Я сказал: Вася мусульман стал перед смерть, наш ислам принимал. Она сказала: Вася прыдател родина. Сына начальник забрал, агитатор сказал – в Россия интернат пошлет. На самолет. Другой кишлак тоже много детей взяли на самолет. У них нет белый волос – все равно взял для интернат...

Алексей нащупал бутылку водки и сделал несколько глотков. Вот те и раз! Какой-то Вася, украинец, наверно, к афганцам перешел, ислам принял и погиб – ушел к Аллаху, а его сына в Россию отправили... Конечно, Алексей знал, что многих афганских сирот отправляют в СССР, но чтоб отнять у живой матери!

– А этот Вася... – спросил он осторожно. – Сколько тебе тогда лет было?

– Тринадцать. Он тоже пришел менять. Часы на траву. Но я его не хотела. Он бил. Каждый раз бил, когда приходил. Я не плакал. Он еще бил. А потом перестал бить. Полюбил. А наши пришли из кириза, хотели его резать и меня резать. А он уже афгани умел говорить, я учил. Улима люблю, говорит. Хочу жениться, говорит. Хочу с вами кириз уходить. Хочу – пускай Улима мне сына рожает. Сын в Россию нельзя забрать, ислам буду принимать, не надо меня резать, мусульман буду. Так ушел с ними в кириз. Ислам принимал, потом на русский мина взорвался, Аллах к себе забрал. А сын – интернат самолет забрал. Теперь никто на меня не может жениться, только Васи брат. А у него нет брат, он сказал: отец есть, мать есть, больше никого нет...

Так вот в чем дело! Алексей встал, подошел к стене и, нащупав на полу керосиновую лампу, долго пытался разжечь ее нервно вздрагивающими руками. Поэтому она не боялась принимать его – она уже вдова для них, вдова русского, который принял ислам. Таких историй не прочтешь ни в «Правде», ни в «Красной звезде» и даже по Би-би-си не услышишь! А может,

она думает, что и он ради нее примет ислам? Смешно! Но смешно ли? Тот Вася из-за нее с ума сошел. А он, Алексей, разве не сходит?

Наконец эта чертова лампа зажглась, закоптила, в комнате стало светло. Отбрасывая длинную ломкую тень, Алексей вернулся в угол, где лежала Улима. Долго смотрел на нее сверху вниз, с удивлением отмечая про себя, что нет в нем никакой ревности к тому Васе, который сначала бил ее и насиловал, а потом полюбил так, что даже дезертировал к духам и принял ислам. Какие красивые у нее глаза – как бархат. И губы. И какая она вся тонкая, хрупкая – а сколько пережила уже, старухам не снилось! Все убиты – отец, мать, братья, Вася, сына забрали. Господи, что мы делаем в этой стране, зачем? Опустившись на колени, Алексей обнял ее за плечи.

– Когда это случилось? Ты помнишь, когда забрали твоего сына?

– Да. Осень был. Ноябрь по-русски.

– Значит, в ноябре 84-го? А как его звали?

– Ахрам, как мой дед. Зачем спрашивал, Альеша?

– А фамилия? Они записали его фамилию?

– Они не спрашивал фамилию. Васин фамилий они сам знал. Батков его фамилий. А зачем тебе?

– Я, Улима, – он крепко сжал ее руками, – найду твоего сына. Клянусь тебе! Найду!

– Нет, Альеша, ты скоро уйдешь. Совсем уйдешь. Я знаю.

– Куда уйду? Что ты придумала? Никуда я не собираюсь уходить. Мне еще полгода до дембеля!

– Нет, ты скоро уйдешь, – упрямо повторила она и снова заплакала.

– Ну, чего ты? Дуреха! Заладила: уйдешь да уйдешь! – Алексей прижал ее голову к своей груди. – Никуда я от тебя не уйду! Клянусь тебе...

Но Улима оказалась права. Через час, когда они лежали обнявшись, прибежал Юрка и, запыхавшись от бега, заорал, что надо срочно возвращаться в часть.

– Быстрее! Тревога! Там все как сбесились! Офицеры построили солдат. Кто пьяный, кто накуренный, а кто, как ты, в самоволке. А комбат кипятком мечет: кого не будет в части через двадцать минут – всех под трибунал! – А че такое? Че такое? – уже на бегу по дороге в часть спрашивал Алексей. – Праздник же! Рамазан! Никто не воюет!

– Плевать им на праздник! Из Москвы комиссия прилетела! Орут – почему не воюем!..

И не мог Алексей представить тогда, что действительно больше не увидит ее, Улиму, что их всех, как скот, загонят в БРДМы и начнется наступление. То самое роковое наступление в долине Логар, во время которого сбежит к моджахедам Юрка Шалыгин, а Алексей, без сознания, контуженный и с ранением в спину, будет отправлен в госпиталь...

5

Едва подъехав к старинному, лубочно-церковной архитектуры зданию Ярославского вокзала на Комсомольской площади, Джуди увидела, что в их нью-йоркских расчетах произошла ошибка. Массивные резные полукруглые двери центрального входа, возле которых она должна была ждать княгиню, оказались закрыты, а потоки пассажиров входили и выходили из вокзала далеко в стороне – через узкие боковые проходы. В Нью-Йорке Джуди и Таня изучали этот вокзал по фотографиям в путеводителях, и княгиня крестиком отметила место на ступенях перед многолюдным центральным входом, но попробуй теперь стоять тут в полной пустоте, не привлекая к себе ничего внимания и не выделяясь!

С красной десятирублевки таксист дал сдачу маленькой голубой пятирублевкой, нагло сказал: «Спасибо!» – и уехал, хотя на счетчике, Джуди ясно видела, настучало только три рубля двадцать копеек. Но черт его знает – пять рублей это много или мало?

Вышагивая по широкому и пустому заледенелому тротуару перед вокзалом, Джуди видела перед собой огромную площадь, скопление серых такси с черными шашечками-квадратиками на дверях, толпы людей с сумками в руках, штурмующих двери автобусов, короткую очередь к лотку с горячими пирожками, темно-красное здание Казанского вокзала по другую сторону площади, какой-то мост справа, а за ним шпиль высотного дома с трудночитаемой против солнца надписью «Гостиница „ЛЕНИНГРАДСКАЯ“... Вот она, Москва, елки-палки, вот она Москва, увидеть которую Джуди мечтала еще с хай-скул, про которую столько читала у Чехова, Толстого, Пушкина... Было светло и морозно, но дышать было трудно не из-за мороза, а из-за режущего горло запаха выхлопных газов всех этих такси, грузовиков и автобусов, которые гудели, громко скрипели тормозами и выпускали клубы сизо-черных облачных хвостов из выхлопных труб. Как жаль, что княгиня запретила ей взять с собой фотоаппарат! Купить пирожок или нет? Эти русские едят их, не отходя от лотка, быстро откусывают большие куски, пар идет от их губ – не то пирожки такие горячие, не то это их дыхание на морозе.

Но почему у всех такие хмурые, замкнутые, серые лица? В США в газетах каждый день пишут про русскую гласность и перестройку, и Горбачев улыбается с фотографий чуть ли не каждый день, и кажется, что в России теперь сплошной праздник обновления, почти карнавал. Но где все это? Пожилая продавщица с дерюжно-красным лицом, в тулупе, валенках и перчатках с отрезанными концами перчаточных пальцев накалывает пирожки вилкой и подает покупателям без улыбки и без всякой салфетки – попробовала бы она так торговать в Нью-Йорке!

«Три гамбургера, три коки»!.. Большой «Мак» и «спрайт»!.. Два чизбургера с жареной картошкой!.. Жареную картошку и кофе!..»

Джуди усмехнулась. Еще две недели назад она стояла в «Макдоналдсе» на Западной девяносто седьмой улице и едва успевала нажимать кнопки кассы, принимать доллары, давать сдачу и класть на подносы гамбургеры, чизбургеры, картонные стаканчики с кофе, картошку в меленьких картонных коробочках, коку и салфетки, салфетки, салфетки. И улыбаться: «Три хамбургера, три коки, сэнк ю, хэв э гуд дэй... Квотер паунд вис чииз, сэнк ю, хэв э гуд дэй...» Ноги уставали стоять на одном месте, руки ломило после двухтрех часов утреннего «рашауэр»¹², нос набухал насморком от постоянного запаха кофе. Этих двух старух – высокую, худую, в дорогом светло-кремовом кожаном пальто и лайковых перчатках и маленькую, краснощекую, в очках – она заметила сразу, потому что, взяв только два «дайэт-пепси», они сели за ближайший к стойке столик и стали откровенно пялиться на нее, Джуди, и пялились так целый час! Глаз не отрывали! Потом высокая что-то сказала маленькой, обе они встали и ушли, а назавтра пришли снова, прямо с утра, в восемь часов, и маленькая снова взяла только два «дай-

¹² Час пик (англ.).

этпепси», а высокая опять села за ближайший столик, и снова они обе сидели и сидели и рассматривали ее. Они лесбиянки, это ясно, сразу решила Джуди, но какого черта они пялятся на нее второй день подряд?! Так и подмывало подойти и сказать: «Черт возьми, ай эм стрэйт!»...

Такси тормознуло в трех шагах от Джуди, худая фигура княгини буквой «Г» выбралась из машины, разогнулась, как складной нож, и тут же сказала по-русски и почти враждебно:

– Почему вы без шапки?

– I forgot...¹³

– Тише! – перебила Таня, нервно оглянувшись. – Не кричите по-английски! Стоит тут на открытом месте, как пень на пригорке! Я же просила...

Она осеклась – рядом с ними остановился пожилой мужчина в куцем черном пальто и облезлой меховой шапке с опущенными ушами. В красных, без перчаток, руках он держал две плетеные сумки, до краев наполненные бутылками из-под вина и водки. Таня тут же улыбнулась ему – в любом месте мира так улыбаются встречному, случайно сойдясь с ним взглядом. Но этот мужик не улыбнулся в ответ, а, наоборот, нахмурился враждебно и сказал Тане:

– Ты чего?

Княгиня, не зная, как себя вести, отвернулась.

– Старая, а туда же. Тьфу! – вдруг зло сплюнул мужик. – Курвы!

Вздвигнув, как от удара хлыстом, Таня схватила Джуди за локоть и торопливо пошла к боковому проходу в вокзале.

– Что значит «курвы»? – спросила Джуди, это слово ей не встречалось ни у Толстого, ни у Достоевского.

– Молчи! – зло бросила княгиня, продолжая тянуть ее за собой. – Курвы – это проститутки.

Джуди шла рядом с княгиней, изредка бросая на нее любопытные взгляды. Что-то изменилось в Тане. Темная косынка, туго повязанная вокруг головы, подчеркивала сухость и резкость косых скул, лицо без косметики было серым, а морщины стали резче и глубже. В этом темно-синем грубом пальто она теперь ничем не отличалась от простых русских старух, попадавшихся им навстречу, разве только своей властной статью, прямой спиной. А все русские идут с наклоном вперед, поскольку у всех в руках какие-то тяжелые кошельки и плетеные сумки – чаще всего в обеих руках. «И все-таки она трусит!» – вдруг весело подумала Джуди, чувствуя у себя на локте вздрагивающую руку княгини. Сама она не чувствовала страха, наоборот – как только появилась княгиня, ей стало весело и легко. Ей и раньше с трудом удавалось сдерживать себя, разыгрывая роль тихони, но теперь ее как понесло – ей хотелось действовать, хотелось опасностей и приключений, как в фильме «Romancing the Stone»¹⁴. И вот это начинается – сейчас они уедут из Москвы дальше двадцатимильной зоны. Правда, всего на четыре-пять миль дальше, но все-таки...

В кассовом зале, в тыльной стороне Ярославского вокзала, из шестнадцати окон билетных касс открыты были только пять – совсем как на Гранд-Централ. Но очереди к ним стояли другие – плотные, люди прижимались друг к другу и напирали на передних. Радио жестяным женским голосом поминутно объявляло отправление пригородных поездов в Загорск, Фрязино, Мытищи, Монино... Все-таки не очень приятно чувствовать, как в спину тебе давят чьи-то локти. Господи, что за запах!.. Но княгиня сжимает локоть – мол, не оборачивайся, стой! Наконец – их очередь; задние придавили их прямо к кассе.

Таня протянула красную десятирублевку в узкое круглое окошко. Наученная горьким опытом, сказала не улыбаясь:

– Два билета в Мытищи.

¹³ Я забыла... (англ.)

¹⁴ «Роман с камнем».

Толстая, в синем сатиновом халате поверх теплого пальто кассирша, не поднимая глаз, спросила:

– Туда и обратно?

– Что? – не поняла Таня.

– Билеты в два конца? – вдруг зло выпалила кассирша.

– Конечно, в два! Обязательно в два! – испуганно и заискивающе поспешила сказать княгиня.

– То-то, глухондя!.. – тут же остыла кассирша и бросила на стойку два картонных билетика. – Как будто я должна знать, что им в два конца!

«Поезд до Загорска отправляется с шестой платформы через две минуты, – прозвучало по радио. – Остановки: Яуза, Лосиноостровская, Мытищи, далее со всеми остановками. Плавтаряю...»

– Наш! – Рукой в перчатке Таня торопливо взяла картонные билетики, двинулась от кассы, потащила за собой Джуди, но стоящая за ними молодая женщина тихо остановила их:

– А сдачу?..

Таня вопросительно повернулась к кассирше. Джуди с интересом выглядывала из-за плеча. Секундой раньше она заметила, как пухлая, с короткими пальцами рука кассирши поспешно накрыла забытые Таней семь рублей с мелочью.

Ни слова не сказав, кассирша достала уже спрятанные в ящик деньги и буквально швырнула их на стойку окошка. Никакого извинения не последовало за этим жестом, только окрик:

– Следующий!

Таня взяла деньги и стремительно пошла к выходу на перрон. Вокруг было много народу, но княгиня властно и ожесточенно врезалась в толпу и не выпускала руку Джуди, крепко сжимая ее своей жесткой рукой в темной перчатке.

Джуди никогда бы не подумала, что у этой восьмидесятитрехлетней княгини такие сильные руки...

– Отпустите, мне больно... – не выдержала Джуди.

Княгиня не ответила и шагу не убавила. Только когда они вышли на полупустую шестую платформу, Таня остановилась, вплотную приблизилась к Джуди и тихо сказала по-русски:

– Я прошу вас: ни слова! Ни с кем! Ни на кого не смотрите! Никому не улыбайтесь! Иначе все сорвется!

– All right, all right...¹⁵ – сказала Джуди.

– Shut up!¹⁶ – озлобленно выдохнула ей в лицо княгиня. И тут же добавила по-русски: – Еще одно английское слово, и я отправлю вас домой!

– Хорошо, хорошо... – примирительно сказала Джуди. – Только не волнуйтесь так, пожалуйста!..

Таня еще несколько секунд испытующе смотрела Джуди в глаза, дыша тяжело и глубоко.

– Вы понимаете, что мы сюда не играть приехали?

– Все, я поняла, извините, – сказала Джуди. – Идемте, пожалуйста.

И первой шагнула в вагон. Таня словно бы в сомнении вошла за ней. В вагоне было холодно и пусто. Светлые деревянные скамейки стояли в два ряда, над ними тянулись узкие металлические полки для багажа. Таня, опередив Джуди, двинулась по проходу в глубь вагона, стараясь незаметно рассмотреть редких пассажиров: две полные женщины в одинаковых вязаных мохеровых шапках и с сумками под локтями, молодая пара с лыжами, небритый мужчина в высокой ушанке...

¹⁵ Хорошо, хорошо... (англ.)

¹⁶ Замолчите! (англ.)

Не заметив ничего подозрительного, Таня опустилась на деревянное жесткое сиденье в конце вагона и жестом приказала Джуди сесть рядом, у окна. Хорошо это или плохо, что так мало народу? Плохо, что они с Джуди открыты, как на ладони, но, с другой стороны, так удобней наблюдать за пассажирами и, если что-то покажется подозрительным, можно через тамбур перейти в следующий вагон. Курить хочется смертельно, но – ни в коем случае, черт их знает, курят у них в поездах или нет. Хорошо бы притвориться, что спишь, как этот небритый мужик, который вытянул ноги на противоположное сиденье, прислонился к окну, шапку подложил под затылок и закрыл глаза. Знал бы Петя, спрыгнувший из вагона 29 января 1919 года, на что она идет сегодня, спустя шестьдесят восемь лет, чтобы найти его внука!..

Сверху вдруг громко зашипело. Таня и Джуди разом вздрогнули. Мужской голос объявил: «Внимание! Поезд следует до Загорска с остановками: Яуза, Лосиноостровская, Мытищи, далее – везде. Осторожно, двери закрываются!»

Вагоны тут же дернулись, поезд поплыл вдоль пустынного перрона. На соседний путь прибывала встречная электричка.

«Слава Богу, поехали!» – облегченно вздохнула про себя Таня. Ей почему-то казалось, что, как только поезд тронется, все опасности окажутся позади: их уже никто не остановит, не вернет в Москву, не арестует! И останется только одно – найти Алешу, увидеть его, обнять и...

Джуди ощутила на себе прямой и явно испытующий взгляд Тани. Опять старуха рассматривает ее, как на аукционе.

...Она вышла из «Макдоналдса» в 3.15 пополудни. В четыре ей надо было заступать на смену в душной клетушке «Ансеринг сервис» на Тридцать седьмой улице, между Седьмой и Восьмой авеню. Но там она хоть сидит, а не стоит. Крэг, ее полуисчезающий бой-френд, от которого она уже сделала один аборт, считает, что только ослы могут выдержать такую работу – с семи утра до трех дня в «Макдоналдсе», а потом еще шесть часов в «Ансеринг сервис». Но как еще она может добыть себе денег на университет, если отец скончался два года назад, а мать тут же выскочила замуж за этого мерзавца Тома и пьет, как жена президента Форда? К несчастью, ее мать не была и не стала женой Форда, она стала женой этого подонка Тома, который моложе матери на восемь лет, пьет вместе с ней и еще пристает, сволочь, к Шарон, двенадцатилетней сестре Джуди!..

Густой мокрый снег, и даже не снег, а какая-то отвратительная холодно-мокро-снежная каша превратила тогда Бродвей в черт-те что – не то в сточный колодец грязи и талого снега, не то в пейзаж с картины голодного импрессиониста. Обувь тут же промокла в талой снежной жиже, лицо – тоже. Быстрее бы в сабвей, там хоть сухо!..

И вдруг сквозь пелену падающего снега Джуди послышалось ее имя:

– Мисс Сандерс!..

Она недоуменно оглянулась.

– Мисс Сандерс! – опять прозвучало сзади, из открытой дверцы длинного черного лимузина, который медленно катил вплотную к тротуару.

Нет, это не ее. Никто из ее знакомых не ездит ни в «роллс-ройсах», ни даже в «мерседесах». У Крэга, правда, есть «форд» 1975 года. Но это не «форд». Джуди посмотрела по сторонам. Где-то здесь должна быть еще одна мисс Сандерс, как это ни смешно.

– Мисс Сандерс! Джуди! – настойчиво повторил женский голос из приблизившегося лимузина, и только теперь сквозь снег Джуди увидела, кто машет ей рукой из открытой дверцы. Та самая маленькая старушка лесбиянка, которая утром целый час пялила на нее глаза в «Макдоналдсе». А рядом с ней, на заднем сиденье, вторая – высокая, в светлом пальто. Сдерживая гнев, Джуди шагнула к лимузину.

– Что вы хотите?

– Садитесь, мы хотим с вами поговорить... – улыбнулась своими пухленькими щечками маленькая и показала на откидное кресло в салоне.

Джуди повернулась и пошла прочь. Но лимузин двинулся за ней, и маленькая старушка продолжала громко, на всю улицу:

– Мисс Сандерс! Подождите! Почему вы уходите?..

– Отвалите! Я не лесбиянка! – на ходу огрызнулась Джуди и остановилась. – Вы хотите, чтобы я позвала полицию?

У старушки от изумления отвалилась нижняя челюсть, и так, с открытым ртом, она повернулась к высокой, сказала заикаясь:

– Она... она... она думает, мы лесбиянки...

Джуди не стала ждать, что ответит высокая. Повернулась и снова двинулась прочь, зло ступая прямо по лужам.

Но и лимузин двинулся за ней, обогнал ее, из его открытой дверцы опасно, чуть ли не на полтела, высунулась эта маленькая и умоляющим тоном стала говорить широко шагавшей Джуди:

– Послушайте, Джуди! Мне семьдесят лет! У меня четыре внука почти вашего возраста! Мы не лесбиянки! С чего вы взяли? Нам нужно с вами просто поговорить. Пять минут! Ну, пожалуйста!..

Она говорила так громко, что на них уже стали оглядываться прохожие. Джуди остановилась, лимузин – тоже.

– О'кей, говорите.

– Но ведь не так! Садитесь в машину. Хотите, мы отвезем вас на Тридцать седьмую в ваш «Ансеринг сервис»?

Джуди заколебалась. Не потому, что ноги промокли, и не потому, что они знают и про «Ансеринг сервис», а потому что – черт знает! – может, они из Голливуда? Или с телевидения? Чего не бывает в Нью-Йорке!

Джуди посмотрела по сторонам. В конце концов, что могут ей сделать две старухи в лимузине, в Манхэттене, в три часа дня? Две старухи, которые пьют только «дайэт-пепси»?

– О'кей! – Она нырнула в лимузин, села на откидное кресло напротив старух. – Только пять минут!..

Маленькая старушка потянулась закрыть дверцу, но Джуди тут же поставила ногу между дверцей и кабиной.

– Нет! Дверь будет открыта!

– Но ведь дует! Снег! – жалобно сказала старушка. – Мы не сможем ехать.

– Ничего, постоим. Что вы хотите?

– Меня зовут Элизабет Волленс, а это моя подруга Таня Гур, – сказала маленькая. – Мы приехали из Флориды. Мы в Нью-Йорке уже три недели...

Джуди взглянула на Таню Гур. У нее русское имя, как у Татьяны Лариной в опере «Евгений Онегин». А на шее, под расстегнутым теперь кожаным пальто, три нитки белого золота с бриллиантом черт знает во сколько карат. И пахнет от нее тонкими дорогими духами – неужели «Дайнести»?

– Пожалуйста, может быть, вы все-таки разрешите мне закрыть дверь? У меня ревматизм... – умоляюще сказала маленькая Элизабет Волленс, держась за колено.

Джуди убрала ногу из дверного проема.

– Спасибо, – сказала Элизабет, закрыв дверь, и повернулась к Тане Гур. – Я тебе говорила – она добрая девочка! Просто мы ее напугали. Подъехали прямо на улице!..

– О'кей, вы приехали из Флориды. Ну и что? – нетерпеливо спросила Джуди, отметив про себя, что шофер, сидевший за стеклянной перегородкой, одет в стандартную, с галунами, форму «лимузин-сервис» и что он не трогает машину с места, ждет приказаний.

– Скажите, мисс Сандерс, сколько вам лет? – слегка прищурилась высокая Таня Гур. У нее был сухой, низкий, явно прокуренный голос и еле уловимый славянский акцент.

– Через семнадцать дней ей исполнится двадцать один! – вместо Джуди сказала Элизабет Волленс.

Таня Гур недовольно поморщилась:

– Элизабет! Я уверена, мисс Сандерс может сама ответить. – И неожиданно спросила по-русски: – Вы собираетесь продолжать учебу в университете? Если вас не затруднит, ответьте по-русски.

Но Джуди сказала по-английски:

– А почему, собственно, я должна...

– Я прошу вас говорить по-русски! – перебила Таня Гур, твердо и отчетливо произнося русские слова. – Или вы меня не понимаете? В Эн-Вай-Ю¹⁷ нам сказали, что вы были одной из лучших по русскому языку. Я хотела бы услышать ваш русский.

– Послушайте! – взорвалась наконец Джуди. – Пока вы мне не скажете, кто вы такие и что вы от меня хотите, я не хочу говорить с вами ни по-русски, ни по-английски.

– Ты видишь, у нее есть характер, – сказала Таня Гур маленькая Элизабет и тут же тронула Джуди за колено: – Джуди, дорогая, сделай, что тебя просит княгиня. Ты даже себе представить не можешь, какой тебя ждет сюрприз!

Так эта высокая Таня Гур – русская княгиня! Вот откуда у нее эти бриллианты! Русская княгиня – неужели еще есть такие? Впрочем, если ей восемьдесят или девяносто лет... Что она говорит?

– К сожалению, мисс Сандерс, пока я не проверю ваш русский, мы не сможем обсудить нашего дела. – Княгиня, как показалось Джуди, насмешливо прищурилась. – Я хочу предложить вам работу. Но я должна вас проверить. Надеюсь, у вас нет возражений?

– Ну что ты, Таня! – снова вмешалась маленькая Элизабет. – Девочке очень нужны деньги! Сколько можно заработать в этом «Макдоналдсе», а по ночам – в «Ансеринг сервис»?! Шесть долларов в час – это деньги? Девочка просто выбивается из сил!..

Черт возьми, может, они еще знают про мать, Тома и Шарон? Но в конце концов, это не важно. Скорей всего эта княгиня ищет себе секретаршу с хорошим знанием русского языка. Конечно, она не для того учила русский в хайскул, в Эн-Вай-Ю и даже в летней школе Норвичского университета, чтобы быть секретаршей у какой-то старухи! Но с другой стороны – сколько в час зарабатывает секретарша со знанием иностранного языка? Так, спокойно, Джуди, это твой шанс. Тринадцать сотен в месяц – и ни цента меньше! Или даже пятнадцать!

Джуди улыбнулась как можно приветливее и сказала по-русски:

– Что вы хотите услышать? Хочу ли я закончить университет? Конечно, хочу!

По удивленно вспыхнувшим глазам этой княгини она поняла, что ее русский еще в порядке, несмотря на полгода работы в «Макдоналдсе». Не зря все-таки она часами просиживала в лингафонном кабинете Эн-Вай-Ю и поехала в эту школу в Норвич!

– Как давно вы начали учить русский язык? – спросила княгиня. – И почему?

– Я начала еще в хай-скул... – Джуди взглянула на часы.

Если они не отвезут ее на Тридцать седьмую, она опоздает. А выгорит ли с этой секретарской работой – еще неизвестно!

¹⁷ Эн-Вай-Ю – Нью-Йоркский университет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.